

Четверо остаются

Влад Велирский

Влад Велирский

Четверо остаются

<https://litres.ru/74336413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четверо студентов получают комнату в старой мануфактуре и заводят «тетрадь четырёх»: каждый год записывать просьбу, допустимый отказ и долг перед собой. Из этой комнаты вырастут мастерская, работа и дружба длиной в двадцать лет.

Но Нина Левина слишком хорошо умеет спасать близких. Она устраивает чужую жизнь, хранит отозванные просьбы и говорит «мы» там, где каждый должен отвечать сам. Когда долги, аварийное здание и городской проект сталкивают друзей, им приходится заново определить цену помощи — и право отказаться от неё.

«Четверо остаются» — эмоциональный роман о дружбе, которая выдерживает перемены, потому что люди учатся спрашивать, слышать отказ и не владеть прошлым друг друга.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Комната после воды	5
Глава 2. Четыре стула	23
Глава 3. Не занимать до пятницы	39
Глава 4. Голос Лады	56
Глава 5. Севина стена	83
Глава 6. Выпускной маршрут	101
Глава 7. Первый пустой стул	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Влад Велирский

Четверо остаются

От автора

Эта книга — о дружбе, которая длится достаточно долго, чтобы перестать быть обещанием и стать множеством поступков. За двадцать лет люди меняют города, работу, семьи, тела, планы и способы говорить друг с другом. Даже искренняя помощь иногда опаздывает, оказывается лишней или требует такой цены, о которой никто не договорился.

Герои этой истории учатся не только приходить по первому зову. Им приходится спрашивать, нужен ли их приход, слышать отказ, пересматривать старые договорённости и оставаться рядом без права владеть чужой жизнью. Здесь нет одного человека, которого дружба обязана спасти любой ценой. Есть четверо взрослых, каждый из которых по очереди становится сильным, уязвимым, щедрым и несправедливым.

Их общий путь начинается с тетради, где можно записать просьбу, отказ и долг перед собой. Но никакая запись не действует вечно. Близость остаётся живой, пока люди способны снова выбрать её — уже зная, что другой вправе выбрать иначе.

Глава 1. Комната после воды

Вода пришла ночью, но к утру уже казалось, будто она жила в общежитии всегда.

Она стояла в коридоре мутным слоем, впиталась в половики, подняла серую бахрому на ножках тумбочек. С потолка третьего этажа капало в жестяной таз, который кто-то предусмотрительно поставил посреди лестничной площадки. Капли били редко и тяжело, и каждый удар отдавался в пустом здании, как отметка времени.

Нина держала над головой полиэтиленовый пакет с документами и шла босиком. Сапоги она отдала Ладе: у той были тонкие носки, а осколки плафона плавали у самой двери. Сева нёс на плече свёрнутые матрасы, уже мокрые с одного края. Тимур тащил две сумки и ругался вполголоса всякий раз, когда металлическая пряжка ударяла его по колену.

— Не ставь на пол, — сказала Нина.

— Спасибо. Сам бы не догадался.

— Я про синюю. Там конспекты Лады.

— А в чёрной, значит, можно утопить мою жизнь.

— В чёрной у тебя три рубашки и отвёртки.

— Вот именно. Вся жизнь.

Лада, стоявшая у выхода в Нининых сапогах на два размера меньше, засмеялась. Смех вышел резкий, почти сердитый. За стеклянной дверью серел мартовский двор, по кото-

рому студенты переносили коробки в учебный корпус. Комendant обещала открыть актовый зал на одну ночь. Что будет после ночи, никто не говорил.

В половине пятого их разбудил треск. В комнате напротив лопнула труба отопления, кипятик выбил старую заглушку и пошёл по этажу. Сева успел перекрыть стояк вместе с вахтёром, но вода уже стекала между перекрытиями. Электричество отключили. К семи часам комиссия насчитала девятнадцать комнат, непригодных для жилья, и велела всем ждать списков.

Нина ждать не умела. Когда вокруг случилось несчастье, ожидание казалось ей его продолжением.

— В актовый, — скомандовала она, хотя никто не назначал её командовать. — У дальней стены батареи теплее. Сначала вещи, потом вернёмся за кроватями, если разрешат.

— Кровати не вынесешь, — сказал Сева. — Они к полу прикручены.

— Тогда доски.

— Нин, — тихо позвала Лада.

Та посмотрела на неё и поняла: Лада не про доски. В актовом зале уже лежали матрасы из мужского крыла, за кулисами переодевались девушки, а у входа спорили два старшекурсника, чья коробка первой заняла сухой подоконник. Ночь там можно было пережить. Неделю — уже нет.

— Я схожу к директору, — сказала Нина.

— Он будет в девять, — напомнил Тимур.

— Значит, встречу в девять.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь спросил: «Ты знаешь, что делать?» Тогда можно было бы честно ответить — нет. Но друзья только кивнули, будто Нина уже знала.

В приёмной директора пахло мокрой шерстью и растворимым кофе. К девяти там собрались комендант общежития, завхоз колледжа, женщина из городского отдела образования и двое родителей, успевших приехать раньше пожарных экспертов. Нина села на стул возле шкафа и положила пакет с документами на колени. Брюки ниже колен были мокрыми. Волосы она стянула резинкой, найденной у Лады, и от этого лицо казалось ей чужим — слишком открытым и молодым.

Секретарь дважды спросила, кого она ждёт.

— Комиссию по размещению, — отвечала Нина.

Слово «комиссия» она слышала в коридоре десять минут назад и теперь держалась за него как за пропуск.

Когда дверь кабинета открылась, все поднялись сразу. Женщина из отдела образования стала зачитывать фамилии тех, кого расселят в резервные комнаты второго общежития. Мест было одиннадцать. Пострадавших — больше пятидесяти.

— Остальные временно в актовом зале, — сказала она. — На срок до устранения аварии.

— А это сколько? — спросил один из родителей.

— После обследования будет понятно.

— Сегодня?

— Не могу обещать.

Голоса наложились друг на друга. Нина почувствовала, как пакет на коленях становится скользким от ладоней. Она заранее составила речь, пока сидела у шкафа. В речи были пожарные нормы, занятия, право на санитарные условия и ещё три выражения, значения которых она понимала не до конца. Теперь речь рассыпалась. Нужно было просто встать.

Она встала.

— Нас четверо, — сказала Нина.

Никто не услышал.

— Тише! — прикрикнул директор. — По одному.

Нина поняла это как приглашение.

— Нас четверо с одного курса. Левина, Белова, Сафин, Чернов. Мы можем жить вместе, нам не нужны четыре места.

Женщина с листами посмотрела поверх очков.

— Юношей и девушек совместно мы не размещаем.

— А в актовом зале размещаете.

Директор нахмурился. Нина заставила себя не отводить взгляда.

— Временно, — сказал он.

— Мы тоже просим временно. Одно помещение вместо четырёх мест. У нас практика через неделю, сессия потом. Если расселить нас по адресам, мы всё равно будем собираться, чтобы делать проект.

Это было правдой только наполовину. Проект существовал, но собираться ради него каждый день не требовалось.

Нина произнесла это ровно, как будто ссылаясь на расписание.

— Где мы возьмём вам отдельное помещение? — спросил завхоз.

— В мануфактуре есть комнаты.

В приёмной стало тише. Даже родители перестали перебивать комиссию.

Старая мануфактура стояла через два квартала от колледжа. В её главном корпусе размещались мастерские: реставраторы, керамисты, декораторы городского театра. Два этажа бокового крыла пустовали после того, как протекла крыша. Студентов водили туда осенью на обмерную практику и запретили заходить дальше первого пролёта.

— Там нежилой фонд, — сказал завхоз.

— В первом крыле есть отопление и вода. Мы видели.

— На экскурсии вы много чего видели.

— Там раньше была комната сторожей. С отдельным выходом во двор.

Нина помнила её потому, что задержалась у окна, пока группа слушала историю кирпичной кладки. В комнате стояли четыре конторских стула и стол без ящиков. На стене висел календарь двухлетней давности. Тогда помещение показалось ей грустным: место, откуда люди вышли, не решив, вернуться ли. Сейчас оно было единственным свободным квадратом города, который Нина могла назвать вслух.

Женщина из отдела образования сняла очки.

— Кто отвечает за здание?

Завхоз ответил не сразу:

— Формально городской имущественный комитет. У колледжа договор на мастерские первого этажа.

— Значит, колледж не может туда заселять.

— Постоянно — нет.

Нина услышала щель в этом «постоянно» и шагнула в неё прежде, чем успела испугаться.

— Дайте нам помещение как временную учебную мастерскую. Мы не просим регистрацию и общежитие. Нам нужно сушить материалы и готовиться к практике. Ночью там будет дежурить один человек — следить за вещами после аварии.

Теперь это уже почти целиком было придумано. Она ощущала ложь физически: словно мокрая ткань прилипла между лопаток. Но директор не возмутился. Он посмотрел на завхоза, завхоз — на женщину из отдела.

— Четверо будут дежурить? — спросила та.

— По очереди, — ответила Нина.

— И девушки тоже?

— У нас общие материалы.

— Вы совершеннолетние?

— Да.

Тимуру девятнадцать исполнилось в январе, Севе — осенью. Ладе было восемнадцать. Нина знала даты всех четверых, потому что заполняла ведомость для студенческого совета. Впервые это мелкое знание оказалось рычагом.

Завхоз потёр переносицу.

— Там холодно. Санузел в коридоре. Душа нет. Проводка старая. Никаких плиток и обогревателей.

— Мы согласны.

— Я вас ещё ни о чём не спросил, Левина.

— Простите.

Она села, боясь, что ноги выдадут дрожь. Комиссия перешла к другим фамилиям. Родители требовали телефоны чиновников, комендант объясняла, почему не могла предвидеть разрыв трубы, директор звонил кому-то из имущественного комитета. Нину больше не замечали.

Через сорок минут завхоз положил перед ней лист в клетку.

— Пишите заявление на временное использование учебного помещения. Не жильё. Ключ получите после осмотра. Если электрик запретит — значит, запретит. Если устроите там балаган, отвечать буду я, а потом вы.

— На какой срок?

— До особого распоряжения.

— Это сколько?

Завхоз посмотрел на неё с усталой насмешкой.

— Вот вы и познакомились с настоящим русским календарём.

Она написала заявление. Рука дрожала, и в фамилии Сафина буква «ф» получилась похожей на перевязанный крест. В графе «ответственное лицо» завхоз велел указать одного

человека.

— Мы все отвечаем, — сказала Нина.

— В бумаге все не отвечают. В бумаге отвечает кто-то один.

Она ждала, что он предложит старшего или юношу. Но завхоз молча подвинул лист обратно.

Нина вписала: «Левина Нина Сергеевна».

Потом долго смотрела на отчество. Мать называла её полным именем только по телефону, когда просила не злиться, что не приедет. Последний такой звонок был три года назад. После него остался номер, по которому отвечали чужие люди, и привычка Нины проверять, все ли вернулись к ночи.

Она сложила заявление вдвое, хотя завхоз тут же развернул его и разгладил ладонью.

— Документы не складывают, ответственное лицо.

Когда Нина вернулась в актовый зал, друзья сидели на краю сцены. Тимур раздобыл четыре стакана чая. Сева снял носки и разложил их на батарее, аккуратно подписав места клочками малярной ленты. Лада держала Нинины сапоги между колен и грела ладонями бумажный стакан.

— Ну? — спросила она.

Нина достала ключ.

Он был большим, плоским, с зелёной пластмассовой биркой. На бирке выцвела надпись «М-17».

Тимур свистнул.

— Ты ограбила директора?

— Нам дали мастерскую.

— Как мастерскую? — Сева прыгнул со сцены. — Где?

— В мануфактуре. Комната сторожей, помнишь? Первый этаж, отдельный выход.

— Там же нельзя жить, — сказала Лада.

— Жить нельзя. Можно хранить материалы и дежурить.

Тимур поднял стакан.

— Тогда предлагаю хранить наши тела как материалы. По очереди.

Они засмеялись. Нина тоже. Только теперь, стоя перед ними с ключом, она почувствовала, насколько сильно устала. В висках стучало. Хотелось отдать ключ Севе — он понимал в зданиях; или Тимору — он умел говорить с рабочими; или Ладе — рядом с ней любая нелепость превращалась в историю, которую можно пережить. Но ключ лежал в её ладони, и все трое смотрели именно на неё.

— Сначала осмотр с электриком, — сказала Нина. — Потом переносим сухие вещи. Матрасы надо поставить у батареи. Купить верёвку, прищепки, тряпки. Еду пока не берём, мыши. Тимур, можешь найти тележку? Сева, проверь окна, только ничего не трогай без электрика. Лада...

Она замолчала.

Лада приподняла бровь.

— А мне что прикажет ответственное лицо?

Слова прозвучали легко, но Нина слышала в них предупреждение. Всего пять минут назад у них не было места. Те-

перь у места появился ключ, а у ключа — хозяйка.

— Возьми чай, — сказала Нина. — И скажи, что я сейчас невыносима.

— Ты сейчас невыносима.

— Спасибо.

— Но результативна, — добавил Тимур.

Они дошли до мануфактуры после полудня. Дождь кончился, однако с карнизов ещё падали редкие капли. Кирпичный корпус тянулся вдоль улицы, тяжёлый и тёмный; высокие окна отражали бледное небо. У ворот курил сторож Семёныч, которого Сева запомнил по осенней практике. Рядом переминался электрик в ватнике.

— Это и есть погорельцы? — спросил сторож.

— Утопленники, — поправил Тимур.

— Разницы немного. И те и другие сначала думают, что спасли самое ценное, а потом ищут чайник.

Электрик проверил щиток, две розетки и провод к потолочному светильнику. Одну розетку велел заклеить и пригрозил забрать ключ, если увидит обогреватель. Сева ходил за ним, задавая вопросы о нагрузке и автоматах. Нина ничего не понимала, но записывала запреты на обороте расписания.

Комната оказалась меньше, чем в её памяти. Пыльный стол занимал середину. Четыре стула стояли один на другом у стены. На подоконнике лежала высохшая оса. Календарь всё ещё висел, только теперь отстал верхним углом и показывал июль две тысячи второго года — зелёное поле, трак-

тор под праздничным небом.

Лада открыла форточку.

— Пахнет бабушкиным шкафом и железом.

— Это батарея, — сказал Сева. — Течёт у соединения.

Нина сразу нашла глазами тёмное пятно на полу.

— Нас выселят?

— Подтянуть можно. Я Семёнычу скажу.

— Сам не трогай.

— Уже записала мне запрет?

— Записала всем.

Тимур снял верхний стул и поставил его перед Ниной.

— Садись, начальник потопа.

— Не называй меня начальником.

— Хорошо. Ответственное лицо.

Лада сняла второй стул, Сева третий. Четвёртый шатался, и Тимур подложил под ножку сложенный вчетверо листок с объявлением о студенческой весне. Они сели вокруг пустого стола. В этот момент комната впервые стала похожа не на склад, а на место, где их ждали.

— Нас могут выгнать завтра, — сказала Нина. — Или через неделю. Крыша в другом крыле течёт. Душа нет. Готовить нельзя. И если кто-нибудь спросит, мы здесь не живём.

— А что делаем? — спросила Лада.

— Дежурим.

— Вчетвером на одном матрасе.

— Матрасов будет четыре.

— Тогда доказательств против нас станет больше.

Сева провёл ладонью по столу, оставив светлую полосу в пыли.

— Надо проверить рамы. И пол возле наружной стены. Тут доски гуляют.

— Надо вымыть всё, — сказала Нина.

— Надо поесть, — сказал Тимур.

— Надо решить, кто здесь главный, — сказала Лада.

Нина посмотрела на неё.

— Никто.

— Тогда почему ты раздаёшь дела?

Вопрос был задан без злости. От этого ответить оказалось труднее.

— Потому что их нужно кому-то раздать.

— А если я не хочу мыть окно сегодня?

— Я не просила тебя мыть окно.

— Пока не просила.

Тимур покачал стул на задних ножках.

— Предлагаю демократию. Нина говорит, что делать, а мы демократично ворчим.

— Очень смешно, — сказала Нина.

— Я серьёзно. Ты выбила комнату. Если бы пошёл я, меня бы выставили за дверь на слове «мануфактура».

— А меня не выставили, потому что я врала уверенно.

Фраза выскочила раньше, чем она успела её удержать.

Трое замолчали.

Нина положила перед собой расписание с запретами и стала разглаживать загнутый угол.

— Я не знала, согласятся ли они, — продолжила она. — Не знала, можно ли вообще просить. Сказала, что у нас учебная мастерская и мы будем дежурить. Подписала ответственность на себя. Если что-то случится, спрашивать будут с меня.

— Почему не сказала нам? — спросил Сева.

— Когда? Пока вы вытаскивали вещи из воды?

— После.

— Потому что ключ уже дали.

Лада сняла сапоги и поставила их под батарею. На ней были два разных носка: один серый, другой с красной полосой.

— Нин, мы рады ключу. Правда. Но если ты одна отвечаешь перед ними, это не значит, что ты отвечаешь за нас.

Нина кивнула слишком быстро.

— Конечно.

Она услышала, как неубедительно это прозвучало.

За окном сторож протаскил по двору металлическую лестницу. Скрежет длился несколько секунд, потом оборвался. В комнате стало слышно шипение батареи.

— Давайте так, — сказал Тимур. — Сегодня Нина распорядится, потому что иначе мы до ночи будем выбирать тряпку. А завтра заведём конституцию.

— На обороте меню из столовой, — предложила Лада.

— С гербом из макарон.

Сева улыбнулся и посмотрел на Нину.

— Но проводку решаю я. Если говорю не включать — не включаем.

— Согласна.

— Деньги считаем вместе, — сказал Тимур. — У меня после стипендии осталось сто восемьдесят рублей и неприкосновенные сорок.

— Что в них неприкосновенного?

— Они на билет домой. Мама убьёт меня, если я не приеду в апреле.

— Не трогаем, — сказала Нина.

— Я сам решу, трогаем или нет.

— Хорошо. Решишь сам.

Лада подняла руку, будто на семинаре.

— А я решу, когда мыть окно.

— Решишь сама.

— Уже лучше.

Нина достала из кармана зелёную бирку с запасного кольца. Завхоз отдал ей два ключа, предупредив, что третий утрачен. Один она положила перед собой, второй подвинула к середине стола.

— Этот будет общий, — сказала она. — Спрячем во дворе или оставим Семёнычу.

— Семёнычу, — сразу ответил Сева. — Во дворе найдут.

— А твой? — спросила Лада.

Нина сжала ключ в ладони.

— Мой у меня. По документам.

Лада хотела что-то сказать, но передумала.

Они работали до темноты. Тимур нашёл у театральных декораторов тележку с одним кривым колесом. Сева вместе с Семёнычем подтянул соединение батареи и пометил мелом доски, на которые нельзя ставить тяжёлое. Лада выпросила в буфете ведро и принесла четыре пирожка с капустой. Нина составила список вещей, договорилась с вахтёром общежития о вечернем проходе и трижды пересчитала, сколько у них сухих одеял.

К семи в комнате стояли матрасы, прислонённые к стене, две сумки с одеждой и коробка книг. Окно Лада всё-таки вымыла — только одно, заявив, что второе останется грязным в знак личной свободы. Через чистое стекло было видно тёмную Волгу между крышами. Лёд на реке казался неподвижным, но у дальнего берега уже шла чёрная полоса воды.

Тимур разломил последний пирожок на четыре неровные части. Самую маленькую взял себе, думая, что никто не заметит. Нина заметила и поменяла свою часть с его.

— Не начинай, — сказал он.

— Что?

— Вот это.

— У тебя кусок меньше.

— И я его выбрал.

Она вернула ему маленький кусок. Это оказалось труднее, чем сходить утром в комиссию.

В актовъй зал полагалось вернуться к отбою. Но когда они погасили свет и вышли во двор, никто не двинулся в сторону колледжа. В окне их комнаты отражался фонарь. За стеклом угадывались четыре стула вокруг стола.

— Кто первый дежурит? — спросил Тимур.

— Я, — ответила Нина.

— Ты не спала всю ночь.

— Поэтому засну где угодно.

— Логика ответственного лица, — сказала Лада. — Останемся все.

— Нельзя.

— Ты только что объяснила комиссии, что можно.

— Я объяснила другое.

— Значит, утром объяснишь ещё что-нибудь.

Нина посмотрела на них — на Севу с мотком малярной ленты на запястье, на Тимура, прижимавшего к боку пустое ведро, на Ладу в тесных сапогах. Она хотела возразить, распределить ночи, напомнить о правилах. Вместо этого открыла дверь.

Они разложили матрасы между столом и батареей. Свет не включали, чтобы сторож с улицы не видел, что «дежурных» четверо. Тимур рассказывал историю о преподавателе начертательной геометрии, который однажды уснул над чужим чертежом и оставил на нём отпечаток уха. Лада смеялась в подушку. Сева время от времени вставал и трогал батарею, проверяя, не появилась ли влага.

Нина лежала ближе всех к двери. Ключ давил через карман в бедро. Можно было вынуть его и положить на стол, но тогда в темноте его мог кто-нибудь задеть, уронить в щель, потерять. Она оставила ключ при себе.

— Нин, — позвала Лада, когда остальные уже затихли.

— Что?

— Ты молодец.

Нина закрыла глаза.

— Я соврала.

— Это я поняла.

— И подписала бумагу, не спросив вас.

— Это тоже.

— Тогда за что?

Лада долго не отвечала.

— За дверь, — сказала она наконец. — Ты нашла дверь. Но входить мы будем сами, ладно?

— Ладно.

В темноте обещание далось легко.

Утром Нина проснулась первой. Серый свет лежал на столе, на четырёх чашках из буфета, на списке дел. Друзья спали, каждый на своём матрасе, и комната казалась полной, хотя вещей в ней почти не было.

Нина осторожно встала, чтобы никого не разбудить. На обороте расписания она провела три колонки: «нужно», «кто», «когда». Подумала и добавила четвёртую: «согласен».

Потом вынула ключ из кармана и положила рядом с ли-

стом — не в центр стола, но уже не у себя в ладони.

Глава 2. Четыре стула

Через три дня после переезда Нина приклеила к стене лист с расходами, и комната впервые поссорилась с ними.

До этого М-17 принимала любые перемены благодарно. Вымытые окна впустили Волгу. Четыре матраса легли вдоль стен. Тимур принёс из списанной аудитории узкую книжную полку, у которой не хватало задней стенки, и прибил вместо неё упаковочный картон. Лада нашла у костюмеров жёлтый абажур, похожий на перевёрнутое ведёрко. Сева заметил расшатанные шурупы в стульях и начертил мелом вокруг опасной половицы прямоугольник с надписью «ОКЕАН».

К пятнице у них появились две кастрюли, хотя готовить было нельзя, шесть чашек, хотя их было четверо, и занавеска с зелёными листьями, не закрывавшая окно до конца. Каждая вещь приходила со своей историей и чужим условием. Кастрюли отдала буфетчица, попросив вернуть к маю. Чашки нашлись в коробке театрального реквизита, и Лада утверждала, что из синей когда-то пил ревнивый муж во втором акте. Занавеску Тимур выменял у дворника на починку табурета.

— Вот это экономика, — говорил он. — Не ваши банковские проценты. Честный обмен табурета на уют.

Нина записывала всё в тетрадный лист: что их, что вре-

менно, что вернуть. Ей нравилось, как случайные предметы превращаются в систему. Система означала, что комната не исчезнет ночью и не окажется чьей-то ошибкой.

Лист расходов она повесила рядом со старым календарём.

«Мыло — 12 р. 50 к. Лампочка — 18 р. Верёвка — 9 р. Гвозди — 14 р. Хлеб, чай, крупа — 63 р. 40 к. Итого — 116 р. 90 к. С каждого — 29 р. 23 к.»

Тимур прочитал, держа в зубах карандаш.

— Двадцать три копейки особенно важны.

— Можешь дать двадцать девять двадцать пять.

— Щедро.

— Я уже заплатила. Просто положите свою часть в банку.

На подоконнике стояла стеклянная банка из-под томатной пасты. Нина обернула её газетой, чтобы деньги не были видны с улицы, и подписала «ОБЩЕЕ».

Лада заглянула внутрь.

— Там пусто.

— Потому что я только поставила.

— А если у меня сейчас нет двадцати девяти рублей?

— Положишь после стипендии.

— А если я не хотела гвозди?

Нина посмотрела на полку. Гвозди держали картонную стенку, без которой книги падали за батарею.

— Они были нужны.

— Кому?

— Всем.

— Мне нужна была зубная паста, — сказала Лада. — Но я не записала её на всех.

Тимур вынул карандаш изо рта.

— Началось.

— Ничего не началось, — ответила Нина. — Если не можешь заплатить сейчас, так и скажи.

— Я могу. Я не понимаю, почему ты сначала покупаешь, потом назначаешь мою долю.

— Потому что мылом пользуются все.

— А занавеской?

— За занавеску мы не платили.

— А если бы платили?

Нина почувствовала знакомое раздражение: разговор уходил от простого к бесконечному. Нужно было либо мыло, либо грязные руки. Либо лампочка, либо темнота. В её мире необходимость не требовала голосования.

— Тогда мы бы разделили стоимость, — сказала она.

— Даже если я люблю темноту и грязные окна?

— Лада, не устраивай передачу из всего.

Лада отошла от банки.

— А ты не устраивай бухгалтерию из дружбы.

Сева сидел у стены и зачищал деревянную планку. Он перестал работать, но головы не поднял. Тимур несколько раз перекатил карандаш между пальцами.

— Я двадцать девять рублей тоже не дам, — сказал он.

Нина повернулась к нему.

— Ты сам просил считать деньги вместе.

— Вместе. А не после того, как ты всё купила.

— Вы оба пользовались чаем и хлебом.

— Чай покупал я во вторник.

— Двадцать два рубля. Я записала.

— Куда?

Нина сняла лист со стены и показала строку внизу: «Тимур — чай, 22 р., вычесть».

— Значит, я должен семь двадцать три?

— Да.

— А Сева?

— Двадцать девять двадцать три.

Сева наконец поднял голову.

— Почему я узнаю об этом сейчас?

— Потому что сейчас я повесила лист.

— Нет. Почему я узнаю сейчас, что мы решили покупать продукты вместе?

Нина оглядела стол. На нём лежала половина батона, пакет гречки и три чайных пакетика, разложенных сушиться на блюде. Всё это было таким маленьким, дешёвым и очевидно общим, что спор казался ей неблагодарностью.

— Хорошо, — сказала она. — Не платите. Я сама.

— Вот этого я и боялся, — тихо произнёс Тимур.

— Чего?

— Что ты сначала решишь за всех, потом обидишься и заплатишь за всех. А мы останемся плохими.

— Я никого не называла плохим.

— Необязательно называть.

Нина сорвала лист со стены. Кнопка отлетела и закатилась под стол.

— Прекрасно. Каждый покупает себе своё. Мыло подпишем. Лампочку поделим на четыре сектора.

— Нин, — начал Сева.

— А что? Так честно. Каждый сам.

Она шагнула к двери, но та распахнулась раньше. На пороге стоял Семёныч с четвёртым стулом — тем самым, шатавшимся. В другой руке он держал металлический уголок.

— Кто тут ответственный за скандалы? — спросил он.

Никто не ответил.

— Вот и хорошо. Держите пациента.

Он поставил стул ножками вверх на стол и принялся крепить уголок. Друзья разошлись по углам комнаты. Нина опустилась на матрас, прижимая к колену смятый лист. Семёныч работал неторопливо, будто пауза принадлежала ему. Отвёртка поскрипывала в старом дереве.

— Стул, — сказал он, — вещь договорная. На трёх ногах можно, если заранее знать, куда падать. На четырёх все думают, что безопасно, и потому летят неожиданно.

— Это народная мудрость? — спросила Лада.

— Это у меня посетители каждый день. Насмотрелся.

Он проверил сиденье, покачал стул и направился к выходу.

— Семёныч, — позвал Сева. — Сколько мы должны за уголок?

— Нисколько. Но если найдёте красную изоленту, моя.

Когда дверь закрылась, Тимур рассмеялся первым. Лада за ним. Даже Сева улыбнулся. Нина держалась несколько секунд, потом тоже не выдержала.

— На трёх ногах заранее знаешь, куда падать, — повторил Тимур. — Предлагаю убрать одну из нас.

— Почему из нас? — спросила Лада. — Уберём тебя.

Смех прошёл, оставив после себя тишину, в которой уже можно было разговаривать.

Сева убрал с пола обрезки планки.

— Давайте перечислим, что правда общее, — сказал он.

— Не потому что Нина купила. Потому что мы согласны.

— Свет, — сказал Тимур. — Лампочка общая.

— Чистота, — добавила Нина.

Лада посмотрела на неё.

— Что именно? Я могу считать чистым то, что ты считаешь катастрофой.

— Мусор выносить. Посуду за собой мыть. Пол хотя бы раз в неделю.

— Пол — согласна.

— Мыло? — спросил Сева.

— Общее, — сказала Лада. — Но покупать по очереди, а не собирать двадцать три копейки.

Нина разгладила лист на колене.

— Тогда продукты не общие.

— Чай можно общий, — сказал Тимур. — У кого закончился, тот покупает. Без подсчёта каждой чашки.

— А если кто-то покупает всё время?

— Скажет.

— А если не скажет?

— Значит, его устраивает.

Нина хотела возразить, что людей часто не устраивает именно то, о чём они молчат. Мать месяцами говорила по телефону «всё нормально», а потом исчезла окончательно, оставив у соседки пакет Нининых зимних вещей. Но это знание нельзя было положить на стол рядом с батоном. Оно было слишком большим и слишком старым.

— Хорошо, — сказала она. — Но говорим до того, как начинаем злиться.

— Невыполнимо, — заметила Лада. — Обычно человек узнаёт, что злится, когда уже хлопнул дверью.

— Тогда сразу после.

— Это можно.

Они перевернули лист расходов и стали составлять правила на чистой стороне. Тимур писал печатными буквами. Первым пунктом стало: «ОБЩЕЕ ПОКУПАЕМ ПОСЛЕ ОБЩЕГО ДА». Вторым: «У КАЖДОГО ЕСТЬ НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ ДЕНЬГИ». Третьим: «ОТКАЗ НЕ НАДО ЗАСЛУЖИВАТЬ».

Последний предложила Лада.

— Это про окно? — спросила Нина.

— И про окно. И вообще.

— Но если, например, Сева откажется проверять проводку, мы можем сгореть.

— Тогда не пользуемся проводкой, — ответил Сева. — Моё умение не делает меня обязанным.

— Ты бы правда отказался?

— Нет. Но хочу, чтобы это было моё «да».

Тимур вывел третью строку и подчеркнул её.

— Пахнет взрослой жизнью, — сказал он. — Неприятно.

К вечеру правила заняли весь лист. Там было про гостей, ключи, тишину после полуночи и запрет брать чужую одежду без спроса. Последний пункт Лада добила после того, как обнаружила свою кофту на спинке Нининого стула.

— Я её сушила, — оправдывалась Нина.

— Я её искала.

— Она была мокрая.

— Моя мокрая кофта имеет право быть найденной там, где я её оставила.

Некоторые правила противоречили друг другу. Гости нужно было согласовывать со всеми, но каждый имел право привести человека, если тому негде ночевать. После полуночи требовалась тишина, однако возвращавшегося поздно следовало дожидаться. Общие расходы утверждались заранее, а срочные мог оплатить любой.

— Нам нужен суд, — сказал Тимур. — Иначе при первом

госте после полуночи республика рухнет.

— Нам нужна тетрадь, — сказала Лада.

Она достала из сумки толстую ученическую тетрадь в клетку. На синей обложке был нарисован глобус, слишком яркий для их выцветшей комнаты.

— Это для радиопрактики, — объяснила она. — Но преподаватель сказал вести записи в общей ведомости. Значит, свободна.

— Что мы туда запишем? — спросил Сева.

— Не правила. Правила висят на стене и делают вид, что умнее нас. Запишем, чего каждый хочет от остальных.

— Денег, — сказал Тимур.

— Просить деньги можно.

— Я пошутил.

— Просить шутку тоже можно.

Нина взяла тетрадь. На первой странице Лада написала дату: «19 марта 2004». Ниже — «Комната М-17».

— Если мы запишем просьбы, их надо будет выполнить? — спросила Нина.

— Нет, — ответила Лада. — Иначе это приказы твоим почерком.

— У меня нормальный почерк.

— Особенно в слове «Сафин».

Тимур посмотрел на заявление, приколотое у двери, и поморщился.

— Будто меня перевязали и забыли.

Сева забрал тетрадь и начертил на странице три горизонтальные линии.

— Просьба, — сказал он. — Отказ. И что-то своё.

— Какое своё?

Он задумался.

— То, что ты должен не нам.

— Государству? — спросил Тимур.

— Себе.

Слово прозвучало неловко. В их разговорах «должен себе» означало обычно выпасться или купить ботинки, но и то и другое откладывалось без последствий. Нина посмотрела на банку «ОБЩЕЕ». Деньги в ней так и не появились.

— Долг перед собой, — сказала она. — Чтобы общее не съело всё личное.

Лада взглянула на неё внимательно, но не стала напоминать, кто утром хотел поделить на всех стоимость гвоздей.

Они решили, что каждый напишет одну просьбу к остальным, один отказ, который остальные заранее признают допустимым, и один долг перед собой. Лада вырвала четыре листка из конца тетради, чтобы никто не видел чужие слова до чтения.

— А читать обязательно? — спросил Сева.

— Просьбу — да, иначе как её выполнить? Отказ — да. Долг можно не читать.

— Тогда как мы узнаем, что ты его исполнил? — спросила Нина.

— Никак, — сказал Тимур. — В этом, видимо, идея слова «себе».

Они расселись по четырём углам. Нина устроилась за столом, потому что считалась ответственной за документы; тут же поняла это и пересела на подоконник. Стекло холодило спину.

Просьба далась ей легко: «Если задерживаетесь, оставляйте записку Семёнычу или в комнате». Она переписала её, убрав слово «обязательно».

С отказом было хуже. Нина не умела заранее отказываться от того, чего ещё не попросили. Любой отказ казался дверью, закрытой на случай пожара. Она написала: «Могу не давать свой ключ». Посмотрела на фразу, зачеркнула. Это было не право, а власть.

Написала снова: «Могу не рассказывать о матери».

Сложила листок прежде, чем успела передумать.

Долг перед собой не помещался в одну строчку. Не проверять всех? Не платить за всех? Не обещать того, чего не можешь? Она написала: «Хотя бы один вечер в неделю ничего не устраивать» — и усмехнулась. Это звучало как наказание.

Тимур закончил первым и стал качаться на отремонтированном стуле. Сева писал мелко и прикрывал ладонью. Лада дважды рвала листок и начинала заново.

— Читаем по кругу, — сказала она, когда все были готовы. — Но без обсуждения. Можно задать один вопрос, если непонятно.

— Кто установил это правило? — спросила Нина.

— Я. Можете отказать.

Тимур хлопнул ладонью по столу.

— Работает система.

Первым читал Сева.

— Просьба: не трогать мои инструменты без спроса, даже если кажется, что я разрешу. Отказ: я могу не чинить вещи сразу. Долг перед собой...

Он замялся.

— Можно не читать, — напомнила Лада.

— Нет. Я буду иногда уходить гулять один и не объяснять куда.

— Один вопрос, — сказал Тимур. — Ты раньше объяснял?

— Вы раньше не спрашивали. Нина уже составила график, когда кто возвращается.

Нина открыла рот и закрыла.

Лада прочитала второй:

— Просьба: слушать мои пробные записи и говорить правду, даже если плохо. Отказ: я могу не выступить, не вести праздник и не развлекать гостей. Долг перед собой: подать заявку на практику на радио, даже если преподаватель скажет, что голос слишком низкий.

— У тебя отличный голос, — сказал Сева.

— Это уже обсуждение.

Тимур развернул свой листок.

— Просьба: если берёте у меня деньги, записывать сумму и день возврата.

— А если ты даёшь? — спросила Нина.

— Тоже. Отказ: сорок рублей на билет домой я не даю никому и ни на что. Долг перед собой: найти подработку не через дядю Рината.

— Почему не через него? — спросил Сева.

— Один вопрос уже задала Нина.

— Это было уточнение.

— Тогда ответ: потому что не хочу всю жизнь слышать, что без семьи не справился.

Осталась Нина.

Она расправила свой листок. Слова о матери стали слишком чёрными на белой бумаге. Можно было сослаться на правило и не читать долг, но отказ следовало произнести.

— Просьба: если задерживаетесь, оставляйте записку Семёнычу или здесь. Отказ: я могу не рассказывать о матери.

Никто не спросил почему. Это молчание было не пустым, а бережным, и от него у Нины защипало глаза.

— Долг перед собой: один вечер в неделю ничего не устраивать.

Тимур прыснул, но тут же прикрыл рот.

— Извини.

— Это и правда смешно.

— Что значит «ничего»? — спросил Сева.

— Не составлять списки. Не решать, кому что делать. Не

проверять, где вы.

— То есть у нас будет Нинин выходной, — сказала Лада.
— Предлагаю вторник.

— Почему вторник?

— По вторникам у тебя самая бесполезная пара, после которой ты особенно хочешь перестроить мир.

Они проголосовали. Нина была против вторника, но осталась в меньшинстве.

Лада переписала все просьбы и отказы на первую страницу. Долги перед собой каждый вписал своей рукой. Тимур провёл поля. Сева пронумеровал страницы. Нина хотела добавить срок действия и место для подписей, но удержалась.

— Как назовём? — спросил Тимур.

— Конституция М-17, — предложил Сева.

— Слишком громко, — сказала Лада. — Просто тетрадь четырёх.

— А если нас станет пятеро?

— Тогда купим новую мебель, — ответила она.

Нина написала на обложке: «Тетрадь четырёх». Почерк у неё действительно был ровный. Под названием она поставила дату и протянула ручку следующему. Лада нарисовала маленький микрофон, Тимур — стул с четырьмя ногами, Сева — схему окна с диагональю.

— Где хранить? — спросила Нина.

— В общем месте, — сказала Лада.

Они выбрали среднюю полку. Не верхнюю, куда дотяги-

вался только Тимур, и не ящик стола, ключ от которого Нина носила вместе с ключом от комнаты. Тетрадь поставили между учебником по материаловедению и потрёпанным справочником радиолюбителя, оставшимся от сторожей.

В банку «ОБЩЕЕ» Тимур положил семь рублей и двадцать пять копеек. Нина хотела вернуть две лишние копейки, но не стала. Сева внёс двадцать девять рублей и написал на листе: «За первый раз. Дальше — после общего да». Лада положила десять.

— Остальное после стипендии, — сказала она. — Это не просьба и не долг. Просто информация.

Нина пересчитала деньги один раз. Второй раз не стала.

Поздно вечером они заварили чай кипятком из сторожки. Четыре отремонтированных стула стояли вокруг стола, и ни один не шатался. Пятый человек там бы не поместился, но четверым хватало места, если не расставлять локти.

— Во вторник ничего не устраиваешь, — напомнила Лада.

— Сегодня пятница.

— Я готовлю тебя заранее.

— А ты подаёшь заявку на радио.

— Это мой долг, не твоя задача.

Нина подняла обе руки.

— Молчу.

Сева достал из кармана красную изоленту, найденную в ящике списанных проводов.

— Семёнычу, — сказал он.

— Завтра отдашь? — спросила Нина.

— Когда решу.

Он улыбался, и она поняла, что это не спор. Пока не спор.

Перед сном Нина проверила дверь и положила свой ключ на стол. Общий ключ оставался у Семёныча. Она могла бы убрать тетрадь в запирающийся ящик — на случай, если в комнату войдут чужие, — но средняя полка была видна с каждого матраса.

Во вторник Нина вернулась после занятий и увидела на столе гору невымытой посуды. На «ОКЕАНЕ» лежали Тимуровы ботинки. Лада репетировала скороговорки перед жёлтым абажуром, представляя, что это студийная лампа. Сева ушёл гулять один и не объяснил куда.

Нина сняла пальто. Руки сами потянулись к чашкам.

Потом она вспомнила свой долг, села на четвёртый стул и спросила:

— Чай есть?

— Есть, — ответила Лада, не прекращая упражнения. — Но чашку придётся вымыть самой.

Нина выбрала одну чашку, вымыла только её и вернулась к столу.

Комната не развалилась.

Глава 3. Не занимать до пятницы

К началу апреля у Тимура появилась привычка приходить в М-17 с бумажным пакетом.

В первый раз в пакете были четыре ватрушки. Во второй — половина копчёной курицы, уже нарезанная неровными ломтями. В третий он принёс мандарины, хотя сезон давно закончился и кожура на них была сухая, как старая краска.

— Премировали ударника, — говорил он, выкладывая еду на стол.

Лада принимала объяснение без вопросов. Сева спрашивал, остались ли на складе доски. Нина смотрела на пакет: белая бумага, зелёная надпись «Универсам», угол потемнел от масла. Тимур никогда не называл место, где работал, просто говорил «на складе». По вечерам он разгружал мебель возле железнодорожной станции, а возвращался после закрытия общепита, пахнувший древесной пылью и холодным металлом.

Первые две недели он действительно приносил с работы обрезки фанеры. Из них Сева сделал полку над батареей, а Тимур — ящик под инструменты. Потом обрезки кончились. Следом исчезли рассказы о бригадире, который путал названия пород дерева, и водителе Коле, способном уснуть стоя. Остались только пакеты.

В четверг Тимур принёс сахар.

— Ударника перевели на стратегическое сырьё? — спросила Лада.

— В стране дефицит сладкой жизни.

Он разорвал пачку и пересыпал сахар в банку из-под растворимого кофе. Несколько крупинок просыпались на стол. Обычно Тимур смахнул бы их в ладонь и съел, но теперь собрал пальцем и стряхнул на пол.

Нина заметила белую нитку на рукаве его куртки. Не древесную стружку, не упаковочный шпагат — обычную нитку от постельного белья. Значит, утром он надел куртку возле своей койки и больше нигде ею не задевал.

Она ничего не спросила. В тетради четырёх было записано, что отказ не нужно заслуживать. Там не было написано, что вопрос нужно заслужить, но Нина решила не искать лазейку.

В тот вечер они считали расходы на апрель. На столе лежали квитанция за электричество в мастерской, записка Семёныча о керосине для общей лампы и список покупок: две лампочки, мешок шпаклёвки, гвозди, новая щётка. Заведующая хозяйством разрешила им пользоваться комнатой до конца учебного года при условии, что они сами приведут в порядок дальнюю стену.

— Сто восемьдесят четыре рубля, — сказала Нина. — По сорок шесть с человека.

Тимур сразу положил две двадцатки, пятирублёвую монету и рубль. Деньги были тёплые, будто он всё это время дер-

жал их в кулаке.

— Ровно, — сказал он.

Сева внёс свою долю. Лада попросила записать за ней до стипендии.

— В пятницу отдам.

— Пятница завтра, — сказал Тимур.

— Поэтому обещание особенно надёжное.

Нина внесла строку в лист расходов. Рядом с фамилией Лады написала: «до 9 апреля». Тимур проследил за ручкой.

— Меня тоже запиши.

— Ты уже отдал.

— Вот это и запиши.

— Мы отмечаем только долги.

— Тогда откуда через месяц узнаем, кто заплатил?

Нина хотела сказать, что она узнает. Таблица была у неё перед глазами даже ночью: четыре строки, суммы, даты. Но Тимур уже смотрел не на неё, а на тетрадь на средней полке.

— Хорошо, — сказала она и поставила напротив его фамилии галочку.

Тимур кивнул, словно получил расписку.

На следующий день он ушёл раньше всех. Нина увидела его из окна учебного корпуса: он пересёк двор не к остановке, откуда ездил на склад, а к общежитию. Шёл быстро, без пакета, засунув руки в карманы.

В мастерской она нашла его куртку на спинке стула.

— Ты не на работе? — спросила Нина.

Тимур сидел на полу возле батареи и натирал наждачной бумагой деревянную ножку. На столе лежала разобранная тумбочка, которую Семёныч отдал им после списания.

— Сегодня нет.

— Почему?

— Пятница.

— Ты по пятницам всегда работал.

Он подул на ножку, и пыль осела на брюки.

— Сегодня решил не работать.

— А завтра?

— Завтра суббота.

— Тимур.

— Нина.

Она остановилась у стола. Спрашивать дальше означало делать именно то, против чего они недавно составили правила. Не спрашивать означало оставить друга сидеть на полу с чужой тумбочкой и сорока шестью рублями, выложенными вчера слишком быстро.

— Ты потерял работу?

Наждачная бумага замерла.

— Нет.

— Значит, сегодня вернёшься?

— Я сказал: сегодня не работаю.

— Это не ответ.

— А у тебя был вопрос, на который я обязан ответить?

Она почувствовала знакомое раздражение: кто-то видел

открытую дверь и всё равно стоял на пороге, требуя отдельного приглашения. Так в детстве мать могла целый день лежать лицом к стене, а Нина готовила суп, приносила воду и злилась, что никто не объясняет ей правила спасения.

— Нет, — сказала Нина. — Не обязан.

Тимур снова повёл наждаком по дереву. Движение было слишком сильным; на округлой ножке появилась плоская грань.

— Но если тебе нужны деньги...

— Не нужны.

— У меня есть.

— Поздравляю.

— Я могу одолжить.

— Я не просил.

— Хорошо.

Она сняла пальто, повесила на гвоздь и стала разбирать листы для курсовой. Бумага шелестела громче наждака. Тимур обработал одну ножку, потом вторую. Плоские грани получались одинаковыми, и это почему-то злило ещё сильнее.

Через час пришла Лада с десятью рублями долга и новостью, что её допустили к пробной записи на радио. За ней явился Сева, принёс моток провода и долго объяснял, почему он не для стены, а только для настольной лампы. Тимур шутил, предложил сделать Ладе студию в шкафу и ни разу не посмотрел на Нину.

Она решила, что ошиблась.

В субботу в общежитии выдавали постельное бельё. Нина стояла в очереди у кладовой, когда услышала за дверью голос коменданта:

— Сафин, ещё раз увижу — выселю. Здесь не рынок.

— Это ремонт, Тамара Павловна.

— Ремонтируй бесплатно, если руки чешутся. Деньги с жильцов собирать запрещено.

Тимур вышел из кладовой с отвёрткой в руке. Увидев Нину, спрятал её в карман, будто это было доказательство преступления.

— Что ты ремонтировал?

— Тумбочку.

— За деньги?

— За пять рублей.

За его спиной комендант громко передвинула стопку простыней.

— На складе тебя уволили?

— Не уволили. Не позвали.

— Какая разница?

— Большая. Если уволили, значит, была работа. А нас брали на разгрузку, когда машина приходила. Водитель нашёл племянников. Теперь машина приходит к ним.

Очередь за Ниной придвинулась ближе. Девушка с тазом посмотрела на Тимура и отвернулась слишком поздно.

— Поговорим в комнате, — сказала Нина.

— Мы уже поговорили.

— Ты мне соврал.

— Я сказал, что не потерял работу. Нельзя потерять то, чего тебе не давали.

Он ушёл по коридору, обходя людей боком. В кармане куртки отвёртка оттягивала ткань.

Нина получила бельё на четверых. Ладе и Севе она обычно брала комплекты по доверенности, Тимуру — потому что он забывал день выдачи. На этот раз его простыни казались присвоенными без спроса. Она положила свёрток на его койку и ушла в М-17.

К вечеру нужно было заплатить за шпаклёвку. Семёныч договорился с магазином у пристани, что им отложат повреждённый мешок дешевле, но только до закрытия. Нина разложила деньги на столе. Доля Тимура лежала среди остальных — те самые две купюры, пятирублёвая монета и рубль.

Она взяла сорок шесть рублей и положила в конверт с надписью «Тимур».

Потом достала свои.

Замена была бессмысленной: общая сумма не менялась, а его деньги всё равно уже стали шпаклёвкой. Нина понимала это. Но она также знала, сколько стоит койка в общежитии, сколько — обед в столовой и сколько билетов до дома можно купить на сорок шесть рублей. В тетради Тимур оставил неприкосновенными сорок. Он только что отдал больше этой суммы за стену, в которой даже не жил.

Нина переложила его деньги в конверт, а в общую стопку

добавила свои сорок шесть.

На листе расходов напротив Тимура галочка осталась. Она поставила такую же напротив себя.

Сева вошёл, когда Нина заклеивала конверт.

— Что это?

— Его доля.

— Он её внёс.

— Я верну.

Сева снял кепку, стряхнул с неё мелкий дождь и прочёл надпись.

— Он просил?

— Нет.

— Тогда не делай.

— Ему не на что жить.

— Он тебе сказал?

— Его выгнали со склада. Он чинит тумбочки за пять рублей.

— Это не значит, что ему не на что жить.

— А что это значит?

Сева пожал плечами.

— Что он чинит тумбочки за пять рублей.

— Очень полезное наблюдение.

— Ты спросила.

Нина сунула конверт в тетрадь четырёх между первой и второй страницами.

— Пусть решит сам.

— Ты уже решила за него, — сказал Сева. — Теперь ему можно только согласиться или устроить скандал.

— Можно взять деньги.

— Это и есть согласиться.

Сева поставил провод на полку и вышел за шпаклёвкой. Нина осталась одна. Конверт делал тетрадь толще, и обложка приподнималась с одного угла.

Она почти вытащила его. Потом представила, как Тимур завтра отказывается от обеда, и оставила.

Вечером они работали над стеной. Старая известь сходила пластами, под ней проступали карандашные надписи прежних жильцов: даты, фамилии, счёт какого-то футбольного матча. Лада читала их вслух голосом радиоведущей.

— «Коля плюс Люся, двадцать седьмое августа восемьдесят шестого года. Погода ясная, отношения облачные».

— Там нет про отношения, — сказал Тимур.

— Редакторская реконструкция.

Он пришёл позже всех и сразу взял шпатель. На пальцах у него были свежие порезы, тонкие и частые. Нина спросила, нужны ли перчатки.

— Нет.

Больше она не вмешивалась. Они очистили половину стены, замешали немного шпаклёвки и заделали самые глубокие трещины. Тимур работал лучше всех: проводил шпателем снизу вверх, снимал лишнее одним движением. Семёныч заглянул, одобрительно хмыкнул и сказал, что с такими

руками можно заработать не только на сахар.

Тимур ответил, что сахаром платят надёжнее.

Когда закончили, Нина достала тетрадь.

— Там тебе.

Он увидел конверт сразу. Прочёл своё имя, открыл, пересчитал деньги.

— Что это?

— Твоя доля за апрель.

— Моя доля в стене.

— Я заплатила за тебя.

Лада перестала отмывать кисть. Сева продолжал собирать инструмент, но медленнее.

— Зачем? — спросил Тимур.

— Потому что склад закрылся.

— Склад не закрылся.

— Для тебя закрылся.

— А ты решила открыть банк?

— Я просто вернула деньги.

— Просто было бы спросить.

— Ты бы отказался.

— Значит, ты знала ответ.

Тимур положил купюры на стол. Монета покатилась и упала на пол. Никто не наклонился за ней.

— Забери, — сказала Нина.

— Нет.

— У тебя нет работы.

— Есть руки.

— Которые режешь о чужие тумбочки за пять рублей.

— Мои руки. Мои пять рублей.

Он говорил тихо, и от этого слова становились тяжелее. Нина слышала в своём голосе будущую грубость и всё же не остановилась:

— Мы живём вместе. Если одному нечего есть, это касается всех.

— Мне есть что есть.

— Сахар?

Тимур побледнел. Лада вытерла руки о брюки и встала между столом и раковиной, не загораживая никого, но меняя комнату одним своим присутствием.

— Тим, — сказала она. — Ты ел сегодня?

— Вы сговорились?

— Нет. Я спрашиваю сейчас.

Он посмотрел на каждого по очереди. Взял со стола две двадцатки, разгладил их большим пальцем и снова положил.

— В столовой ел.

— А заплатил чем? — спросила Нина.

— Талоном Сафронова. Я ему починил дверцу шкафа.

— Это не обед, это бартер.

— Обед был настоящий. Котлета сомнительная.

Лада не улыбнулась.

— Тебе нужны деньги до следующей разгрузки?

Тимур долго смотрел на конверт. Потом поднял с пола

рубль.

— Нужны.

Признание прозвучало хуже отказа. Нина почувствовала облегчение и тут же устыдилась его: проблема наконец приняла форму, которую она умела решать.

— Тогда возьми.

— В долг.

— Не обязательно.

— В долг, — повторил Тимур. — Сумму записать. Дату записать. Срок — когда найду постоянную работу.

— Мы не чужие.

— Поэтому записать.

— Какая связь?

— Чужому я могу не вернуть и больше его не увидеть. А вас я видеть собираюсь.

Нина посмотрела на тетрадь. Первая просьба Тимура была простой: если берёте у него деньги, записывать сумму и день возврата. Тогда он добавил: если даёт — тоже. Про обратное они не договаривались.

— Я не хочу считать помощь, — сказала она.

— А я не хочу гадать, сколько стою.

— Ты нисколько не стоишь.

— Отлично звучит.

— Ты понял.

— Понял. Сегодня ты платишь за стену. Завтра покупаешь мне еду. Потом решаешь, что я должен прийти, когда те-

бе понадобится. Не потому, что ты плохая. Потому что люди помнят, кому помогли, даже если не помнят сумму.

Нина хотела возразить, но вспомнила, как утром получила для него бельё и мысленно прибавила этот свёрток к своей заботе. Словно уже внесла платёж.

— Я не стала бы требовать.

— А я не хочу проверять.

Сева пододвинул тетрадь к Тимуру.

— Запиши сам.

— Нет, — сказал Тимур. — Пусть Нина. Она дала.

Это было условие, а не просьба. Нина села. Открыла чистую страницу после их первых записей и написала дату: «10 апреля 2004 года».

— Сорок шесть рублей, — продиктовал Тимур. — На долю расходов М-17 за апрель.

— Кому от кого?

— Тимуру Сафину от Нины Левиной.

Она записала имена полностью. Строка получилась официальной, как квитанция.

— Возврат после постоянной работы, — сказал он. — Не с первой зарплаты. С первой я домой отправлю.

Нина добавила условие.

— Подпись нужна? — спросила она.

Тимур уловил насмешку, но ответил серьёзно:

— Нужна.

Он расписался под строкой. Потом протянул ручку Нине.

— Я не беру расписку.

— Тогда и я деньги не беру.

Она поставила подпись. Её росчерк занял слишком много места и задел поле, которое Тимур провёл в прошлый раз.

Лада закрыла кран.

— Теперь можно обсудить, как мы помогаем человеку, который не хочет каждый день чинить тумбочки за еду?

— Один день, — сказал Тимур.

— Как мы помогаем человеку, который один день чинит тумбочки за еду?

— Никак. Я найду работу.

— Это не ответ на «как», — заметила Нина.

Он посмотрел на неё, и впервые за вечер у него дрогнули губы.

— Один вопрос, на который я обязан ответить?

Она кивнула. Спор не закончился, но перестал быть дракой.

Сева предложил спросить у столяров в учебных мастерских. Лада знала, что на радио нужен человек переносить аппаратуру по вечерам, но там платили редко и мало. Нина вспомнила бюро благоустройства, где студентам давали чертить простые планы на кальке.

— Стоп, — сказал Тимур. — Вы опять распределяете меня без меня.

— Тогда выбери сам, — сказала Лада.

Он провёл пальцем по свежей записи.

— У столяров. Я умею, и платить будут за работу, а не за то, что меня жалко.

— Спросить можно завтра, — сказал Сева.

— Спросим завтра.

— Ты спросишь, — поправила Нина. — Мы можем пойти рядом.

Тимур убрал деньги в кошелёк. Конверт сложил вчетверо и засунул в задний карман.

— Рядом можно.

Наутро они втроем ждали его у входа в учебные мастерские. Лада опоздала на пробную запись и поэтому не пришла. Нина не заходила внутрь, хотя заведующий столярным цехом был знаком с ней по хозяйственной комиссии. Сева стоял возле водосточной трубы и ковырял носком щель в асфальте.

Тимур вернулся через двадцать минут.

— Во вторник пробный день, — сказал он. — Если не испорчу табурет, возьмут помощником до лета.

— Ты не испортишь, — сказала Нина.

— Это уже моя часть.

Она удержалась от ответа.

До вторника Тимур жил на сорок шесть рублей и ремонтировал в М-17 списанную тумбочку бесплатно. Он заменил расслоившееся дно обрезком фанеры, вывел ножки так, что она перестала качаться, и снял старый лак. Нина несколько раз видела, как он пересчитывает деньги перед столовой. Ни

разу не предложила ещё.

Во вторник он пришёл с учебной табуреткой. Заведующий разрешил забрать её на ночь, чтобы утром показать после склейки. Тимур поставил табурет на стол, проверил углы и попросил Севу посмотреть, ровно ли сидят шипы.

— Ровно, — сказал Сева.

— Ты даже не наклонился.

— Я доверяю твоим рукам.

— Рукам нельзя доверять. Проверяй.

Сева наклонился, провёл пальцем по соединению и нашёл зазор шириной с ноготь. Тимур разобрал перекладину и начал сначала.

Нина сидела на своём стуле и не помогала. Был её вторник.

— Это нечестно, — сказал Тимур. — Ты лучше всех умеешь следить.

— У меня долг перед собой.

— А у меня перед тобой.

Он сказал это легко, но в комнате стало тихо.

На средней полке тетрадь четырёх стояла между учебниками. Раньше в ней были только желания и границы — вещи, которые нельзя взвесить. Теперь появилась первая сумма, две подписи и условие возврата.

Нина посмотрела на тетрадь и подумала, что запись защитила Тимура. Без неё он не взял бы деньги, не поел бы и, возможно, не пошёл к столярам. Значит, счёт оказался по-

лезным.

Она ещё не знала, что полезные вещи труднее всего вовремя отменять.

Глава 4. Голос Лады

В первый раз Лада услышала себя по радио в булочной.

Она вошла за батонem перед занятиями, встала в очередь между женщиной с сеткой картошки и школьником, который считал мелочь в ладони, и вдруг узнала собственное дыхание. Оно шло из приёмника над холодильником — громче, чем дома, ближе, чем в наушниках, словно кто-то невидимый стоял у неё за плечом.

— В Бережске без осадков, ветер северо-западный, — произнёс голос. — Температура днём от восьми до десяти градусов тепла.

Лада замерла с деньгами в руке.

Текст она записала накануне. Редактор новостей Геннадий Петрович велел прочесть прогноз трижды: сначала бодро, потом спокойно, потом так, будто погода ей лично ничего не обещала. В эфир поставили третий вариант. Ладе он казался бесцветным, но женщина с картошкой подняла голову к приёмнику и сказала продавщице:

— Слышишь, потеплеет.

Только тогда Лада поняла, что голос уже не принадлежит одной ей. Из тесной аппаратной он вышел в город, сообщил незнакомой женщине про ветер и сделал её утро чуть определённое.

— Девушка, вы берёте батон? — спросил школьник.

— Беру.

Она купила два. Второй несла до колледжа под мышкой, как доказательство, хотя не могла объяснить, что именно он доказывал.

В М-17 никого не было. На столе лежала записка Нины. «После третьей пары — оргкомитет. Всем быть, если можете». Слова «если можете» были приписаны другой ручкой и теснились над стрелкой. Лада прочла записку голосом диктора, затем голосом Геннадия Петровича, который умел превратить просьбу принести чай в распоряжение районной администрации.

Она оставила один батон на общей полке и побежала на занятия.

Новость о радио дошла до друзей раньше неё. На большой перемене Тимур встретил Ладу у лестницы, приложил ладонь к уху и торжественно произнёс:

— Северо-западный, от восьми до десяти. Я оделся по указанию редакции.

— Это не редакция, а прогноз.

— Значит, ты теперь отвечаешь за погоду.

— Только по четвергам. В остальные дни заморозки согласовывайте с Ниной.

Сева ждал на площадке этажом ниже. Он протянул ей дешёвую кассету в прозрачной коробке.

— Пустая. Можешь записывать эфиры.

— Откуда?

— Купил.

— На какие деньги?

— На свои.

После истории с Тимуром денежные ответы у них звучали почти как пароли.

Лада взяла кассету.

— Спасибо. Но прогноз я записывать не буду.

— Почему?

— Там ветер интереснее меня.

— Тогда запиши что-нибудь, где ты интереснее ветра.

Нина появилась последней. Она несла папку оргкомитета, рулон ватмана и четыре листа цветной бумаги, прижатые к груди. Поздравление у неё началось с объятия, но уже через секунду она отстранилась и спросила:

— Это стажировка или тебя взяли?

— Пока два вечерних дежурства в неделю. Новости, погода, объявления. Если не испорчу эфир — будут платить за смену.

— Сколько?

— Нина.

— Я не считаю твои деньги. Хочу понять, это работа или опять «попробуйте ради опыта».

— Работа. Маленькая.

— Маленькая работа занимает столько же места в расписании, сколько большая. Запиши дни, чтобы мы не ставили на них дела.

Лада посмотрела на неё внимательнее. В этой фразе было именно то, чего она добивалась месяц назад: её время признавали настоящим прежде, чем оно стало удобным остальным.

— Вторник и четверг. С пяти до девяти.

Нина открыла папку и зачеркнула две строки.

— Значит, репетиции без тебя.

— Какие репетиции?

Так Лада узнала про праздник мануфактуры.

Каждую весну колледж устраивал день открытых мастерских. В главном корпусе показывали станки, макеты и курсовые работы, а во дворе мануфактуры продавали выпечку, собирали деньги на ремонт общежития и водили родителей по помещениям, которые в обычные дни предпочитали не показывать. В этом году директор решил назвать всё «Городом мастеров». Название уже напечатали на двадцати плакатах, поэтому обсуждать его было поздно.

М-17 дали отдельную площадку: комнату следовало привести в порядок и показать как пример студенческой инициативы. Кроме того, от их курса требовался ведущий для дворовой сцены.

— Оргкомитет решил, что вести будешь ты, — сказала Нина.

— Какой оргкомитет?

— Старосты, заведующие мастерскими и мы сегодня после третьей пары.

— Значит, ещё не решил.

Нина остановилась посреди лестницы.

— Конечно. Я имела в виду, что тебя предложили.

— Кто?

— Я.

Тимур тихо присвистнул. Сева начал рассматривать стенд с правилами пожарной безопасности.

— До того, как спросила меня? — уточнила Лада.

— Нам нужно было назвать кандидатуру. Все знают, что ты подала на радио. Теперь тебя взяли. Ты умеешь говорить, тебе это полезно, сцену дадут с нормальным микрофоном.

— А если я не хочу?

— Тогда скажешь, что не хочешь.

Нина ответила слишком быстро. Лада увидела, как та уже приготовилась объяснять её отказ комиссии, находить другого человека и переставлять в папке листы.

— Не хочу, — сказала Лада.

На лестнице сверху хлопнула дверь. Мимо них пронесли фанерный щит, и всем пришлось прижаться к перилам. Нина подняла рулон ватмана, чтобы его не задела.

— Совсем? — спросила она.

— Совсем.

— Даже на час?

— Мой отказ не по часам.

— Я только уточняю объём.

— Объём — нет.

Лада ждала знакомого продолжения: что мероприятие общее, что остальных подводить нельзя, что голос на радио не отличается от голоса во дворе. Нина посмотрела на Тимура, потом на Севу, словно проверяла, существует ли выход, которого она не заметила.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда не ты.

И пошла вниз.

Лада осталась у перил. Отказ приняли так легко, что она почувствовала не облегчение, а подозрение. Будто дверь, которую долго приходилось держать плечом, внезапно открылась сама и можно было упасть.

— Это всё? — спросила она.

Нина обернулась.

— А что ещё?

— Ничего.

— Тогда после третьей пары. Если можешь.

На оргкомитете Нина сообщила, что Лада вести сцену не будет. Не объяснила причин, не сослалась на радио и не попросила Ладу повторить отказ перед всеми. Заведующая культурной работой Тамара Ильинична поджала губы.

— Молодёжи дают возможность, а она перебирает.

— Она не перебирает, — сказала Нина. — Она не соглашалась.

— Ты же сама её записала.

— Поэтому я сама и снимаю кандидатуру.

Тамара Ильинична перевела взгляд на Ладу.

— Голос есть, ответственности нет?

У Лады уже поднялась к горлу острая фраза, но Тимур опередил её:

— Голос её. Ответственность тоже её. А список ваш.

Сева кашлянул в кулак, скрывая смех. Нина не улыбнулась. Она аккуратно зачеркнула фамилию Лады на листе и оставила строку пустой.

В тот вечер они впервые отпраздновали отказ. Тимур принёс из столярной мастерской четыре неровных деревянных кружка — пробные заготовки для ножек табурета — и объявил их медалями за неучастие. На одной выжиг букву «Л».

— За выдающиеся заслуги перед чужим праздником, — сказал он.

— Медаль принимаю. Вести церемонию награждения отказываюсь.

— Принято, — ответил Сева.

Нина поставила чайник и ничего не добавила. Даже не спросила, почему Лада согласна говорить в радиоаппаратной и не согласна выйти во двор перед знакомыми. Именно это молчание оказалось самым убедительным.

Причина была проста, но Ладе не хотелось защищать её как диссертацию. На радио существовал текст. Перед ней горела лампочка, за стеклом сидел звукорежиссёр, а слушатели не смотрели, как она держит руки и куда деваёт лицо после последнего слова. На студенческих праздниках ведущий должен был не говорить, а нравиться: заполнять задержки,

уговаривать людей хлопать, шутить над теми, кто не просил шуток, и изображать радость по расписанию. Лада умела это делать. Потому и не хотела.

В тетради четырёх ещё с марта стояла её запись: «Могу отказаться выступать и развлекать, даже если у меня получается». Теперь строка впервые понадобилась не в разговоре, а в жизни.

Следующие две недели праздник разрастался. На стене М-17 появился план двора, затем расписание, затем второй план, потому что первый перестал помещать изменения. Сева отвечал за удлинители и запретил включать чайники возле сцены. Тимур сколотил стойки для выставочных планшетов. Лада согласилась написать короткие объявления для стендов, заранее уточнив, что читать их вслух не будет.

Нина говорила, что отвечает только за площадку М-17.

Однако папка оргкомитета оставалась у неё.

Сначала она нашла нового ведущего — второкурсника Пашу Колесникова, игравшего в студенческом театре. Потом Тамара Ильинична попросила Нину составить для него порядок выходов, потому что «ты всё равно знаешь, кто где». Нина составила. Паша потерял лист, и она сделала копию. У музыкального училища сорвался ансамбль, и Нина передвинула показ сварщиков. Пекарня отказалась привозить пироги без предоплаты, и Нина пошла к бухгалтеру. Никто не поручал ей все эти дела сразу. Каждое отдельно занимало десять минут и выглядело как разумная помощь.

Лада замечала их по следам. У Нины в кармане появилось два карандаша вместо одного. На обороте конспекта по инженерной графике были записаны фамилии выступающих. Во вторник, который оставался её вечером без организации, Нина сидела у окна и вырезала из цветной бумаги стрелки.

— Сегодня вторник, — сказала Лада.

— Я знаю.

— Ты ничего не организуешь по вторникам.

— Я не организую. Я режу.

— Организационные стрелки.

— Просто стрелки. Организационными они станут в субботу.

Лада забрала у неё ножницы.

— Это мой долг перед собой, — напомнила Нина.

— Поэтому я и говорю.

— Долг мой.

— Хорошо.

Лада положила ножницы обратно. Принятый отказ вдруг показал вторую сторону: если они действительно признавали чужую границу, нельзя было отнимать у человека право нарушить собственное обещание. Даже когда нарушение было очевидным и глупым.

Нина дорезала стрелки. Потом собрала обрезки, протёрла стол и спросила, кто будет чай.

В четверг Лада вышла из радиостанции после девяти. Редакция помещалась на втором этаже дома связи, над теле-

графом. Внизу пахло мокрыми пальто, бумагой и нагретой проводкой. Геннадий Петрович догнал её на лестнице.

— Белова, в субботу сможешь выйти утром?

— У меня праздник в колледже.

— Вести будешь?

— Нет.

— Тогда какой же он у тебя?

Лада хотела ответить, что присутствие не измеряется микрофоном, но редактор уже объяснял: заболела диктор, нужно прочесть городские объявления, выпуск короткий, оплата как за половину смены.

— Смогу до одиннадцати, — сказала она. — Потом мне в мануфактуру.

— До одиннадцати управимся. Только не опаздывай. Эфир твоих границ не знает.

Он сказал это без насмешки, как правило профессии. Лада записала время на обороте автобусного билета.

В М-17 горел свет. Нина стояла на табурете и прикрепляла к стене большой лист с программой праздника.

— Почему ты ещё здесь?

— Почему ты?

— Я работала.

— Я тоже.

— Тебе за это платят?

— Мне дадут благодарность.

— Ею можно погасить долг Тимура?

Из-под стола отозвался Тимур:

— Только если благодарность сорок шесть рублей с процентами.

Он прикручивал к стойке поперечину. Сева распутывал кабель у батареи. Оказалось, Нина позвала их проверить сценическую площадку после закрытия мастерских.

— Паша заболел, — сказала она.

— Насовсем?

— До понедельника. Ангина.

Лада посмотрела на программу. Возле каждого номера стояло время, а между ними — короткие фразы для ведущего. Почерк был Нинин.

— Кто будет вести?

— Тамара Ильинична ищет.

— А ты пишешь текст на случай, если найдёт неграмотного?

— Я пишу последовательность. Человек может волноваться.

— Как предусмотрительно.

Нина слезла с табурета.

— Я тебя не прошу.

— Я знаю.

— И не собираюсь просить.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто я уже виновата?

Лада не нашла ответа. Нина действительно не давила. Не

напоминала, что предложение исходило от неё, не показывала пустое место в расписании как обвинение. Она просто стояла под программой с синей полосой клея на рукаве и делала всё, чтобы чужой отказ не создал неудобства никому, кроме неё.

— Потому что ты устала, — сказала Лада.

— Это не преступление.

— Нет.

— И не просьба о помощи.

— Тоже нет.

Сева выпрямился с мотком кабеля.

— Можно отменить половину номеров.

— Нельзя, — ответила Нина. — Люди готовились.

— Можно поставить между ними паузы.

— Во дворе пауза — это когда все уходят к пирогам и не возвращаются.

Тимур выбрался из-под стола.

— Я могу объявлять. Только фамилии прочитаю как написано.

— Ты в это время на показе столярной мастерской.

— Могу уйти.

— Не надо уходить с твоего показа из-за нашей сцены.

Слово «нашей» прозвучало так, будто сцена уже принадлежала Нине. Она провела ладонью по программе, разглаживая пузырь под бумагой.

— Завтра решим, — сказала она. — Сейчас всем домой.

— А ты? — спросила Лада.

— Закрою комнату.

Они вышли вместе. Нина действительно только выключила свет и повернула ключ. Но у ворот вспомнила, что оставила папку, и вернулась одна.

В субботу Бережск проснулся под тем самым северо-западным ветром, который Лада обещала две недели назад. Во дворе дома связи опрокинуло пустую урну. Лада придерживала дверь, пока вахтёр ставил её обратно, и поднялась в студию без трёх минут восемь.

Городские объявления занимали два листа. Отключение воды на трёх улицах. Изменение расписания речного трамвая. Пропала собака — рыжая, в зелёном ошейнике. Открытие «Города мастеров» в колледже. Последний текст Лада увидела уже перед эфиром.

«Гостей ждут концерт, выставка учебных работ и весёлые конкурсы. Ведущая праздника — студентка Нина Левина».

— Здесь ошибка, — сказала Лада.

Звукорежиссёр Вадим посмотрел через стекло.

— Где?

— Ведущая.

— Лист вчера принесли из колледжа.

— Всё равно ошибка.

Красная лампочка загорелась. Лада прочла объявления по порядку. Перед последним сделала вдох и произнесла только подтверждённое: адрес, время открытия, выставки, мастер-

ские. Строку про ведущую пропустила. Вадим поднял брови, но не остановил запись.

После выпуска Геннадий Петрович постучал карандашом по листу.

— Почему съела фамилию?

— Данные устарели.

— Ты организатор?

— Я знаю человека.

— На радио знать человека недостаточно. Нужно знать факт.

Лада достала из кармана билет с записью смены и на свободном краю написала: «Нина ведёт?» Рядом поставила вопросительный знак.

— Проверю факт.

— После эфира поздно.

— Да.

Он мог снять её со следующих смен. Вместо этого забрал лист и обвёл пропущенную строку.

— Никогда не исправляй источник молча. Или подтверждай, или говори редактору до лампочки. Понятно?

— Понятно.

— Иди на свой праздник. Там как раз любят импровизацию.

Она бежала от остановки к мануфактуре, слыша музыку за два квартала. Над воротами провис плакат «ГОРОД МАСТЕРОВ». Буква «Д» завернулась от ветра и превратилась

в треугольник. Во дворе пахло опилками, горячим тестом и краской.

На сцене стояла Нина.

На ней была белая блузка, которую Лада раньше не видела, и тёмная юбка. В одной руке она держала микрофон, в другой — папку. Она объявляла показ сварочного отделения, глядя не на людей, а в лист. После каждого предложения делала короткую паузу, словно ждала разрешения продолжить.

Нина не была плохой ведущей. Она точно называла фамилии, заранее предупреждала о кабеле возле сцены и дважды напомнила родителям, где найти питьевую воду. Но праздник рядом с ней не становился веселее. Он становился управляемым.

— Давно она там? — спросила Лада у Севы.

— С открытия.

— Почему не сказал?

— Ты была в эфире.

— Тимур?

— На показе. Она запретила ему уходить.

Сева держал запасной удлинитель и смотрел на Нину с тем выражением, с каким осматривал перегретую розетку: пока работает, но оставлять без внимания нельзя.

— Кто её попросил?

— Тамара Ильинична. Утром. Нина уже была с готовым текстом.

На сцену вывели троих первокурсников с макетами. Один зацепился рукавом за стойку. Нина успела подхватить планшет, передала микрофон, поправила крепление и вернулась к объявлению. Всё заняло несколько секунд. Зрители почти ничего не заметили.

Лада заметила, как Нина после этого сжала левую кисть. Пальцы дрожали.

Она обошла сцену и встала у ступеней.

— Когда перерыв? — спросила, когда Нина закончила объявление.

— Через сорок минут.

— Ты ела?

— Я не Тимур.

— Это не ответ.

— Булочку утром.

— Сейчас половина второго.

Нина перелистнула программу.

— Я тебя не просила приезжать раньше.

— Я приехала после работы.

— Тогда иди к нашей площадке. Там твои тексты на стендах.

— Нин, зачем ты согласилась?

— Потому что ведущий нужен.

— Ведущих в колледже больше одного.

— Утром не было ни одного.

— Можно было сократить программу.

— Люди готовились.

— Можно было попросить всех нас.

— Я просила не просить тебя.

— Я не сказала «никогда не проси». Я отказалась вести праздник.

— И я приняла отказ.

— А потом сделала мою работу сама.

Нина наконец посмотрела на неё.

— Это не твоя работа. Ты отказалась.

Фраза была безупречной. Лада почувствовала, как собственная претензия рассыпается: нельзя сначала отдать задачу, а потом ревновать к тому, кто её поднял.

— Тогда чья?

— Ничья. Теперь моя.

Тамара Ильинична махнула из-за кулисы. Нина поднялась на сцену и объявила конкурс студенческих газет.

Лада ушла к М-17. Их комнату заполнили посетители. Тимур показывал отремонтированную тумбочку и объяснял мальчику лет десяти, почему новое дно лучше старого, но не делает всю вещь новой. Сева прикрепил к опасной розетке табличку «НЕ ВКЛЮЧАТЬ» и стоял рядом, потому что одной табличке не доверял.

На средней полке лежала раскрытая тетрадь четырёх. Нина утром выставила её как часть истории комнаты, но закрыла листом чистой бумаги денежную запись Тимура. Видны были только первые правила.

Лада прочла собственную строку. «Могу отказаться выступать и развлекать, даже если у меня получается».

Рядом с тетрадью лежала деревянная медаль с буквой «Л».

— Ты теперь знаменитая? — спросил мальчик у Тимура.

— Это не моё имя в радио.

— А чьё?

— Вон её.

Мальчик повернулся к Ладе.

— Скажите что-нибудь.

— Не обязана, — сказал Тимур.

— Он же просто просит.

— А она может просто не хотеть.

Лада взяла со стола медаль и повесила её на шнурок от бейджа.

— В мануфактуре северо-западный ветер, — сказала она мальчику. — Возможны осадки из опилок.

Он засмеялся и побежал к матери.

К трём часам Нина перепутала два номера. Объявила выставку моделей мостов, когда на сцену вышел хор технологического отделения. Хористы остановились, руководительница хора крикнула из-за кулисы, зрители захлопали. Нина извинилась и попробовала пошутить, что мосты тоже иногда поют. Шутка не спасла паузу.

Лада стояла возле сцены с кружкой воды.

Когда хор закончил, Нина спустилась, взяла кружку и вы-

пила сразу половину.

— Я могу объявить следующие два номера, — сказала Лада.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты отказалась.

— Я могу предложить помощь после отказа.

— А потом будешь думать, что я заставила тебя своим несчастным видом.

— Я буду думать то, что сама выберу.

Нина поставила кружку на ящик.

— Ты не хочешь вести этот праздник.

— Не хочу.

— Тогда не веди.

— А ты хочешь?

Нина открыла рот и закрыла. На сцене рабочий проверял микрофон короткими ударами пальца. Каждый удар отзывался в колонках глухим стуком.

— Это не имеет значения, — сказала она.

— Вот именно.

Лада поняла, что злится не из-за подмены. Нина приняла её «нет», но оплатила его собой, как оплатила долю Тимура. Не предъявила счёт, не потребовала благодарности, даже скрыла цену. От этого цена не исчезла. Она только становилась невидимой до того дня, когда Нина вспомнит все такие субботы разом.

— Ты оставила мне право отказа, — сказала Лада. — А себе не оставила.

— Это разные вещи.

— Почему?

— Потому что если не я, то кто?

— Не знаю. В этом и смысл вопроса.

Тамара Ильинична снова позвала Нину. Та подняла папку, но Лада удержала её за край.

— Пять минут. Не вести. Посидеть.

— Там следующий номер.

— Пусть Тамара Ильинична объявит.

— Она координирует участников.

— А ты координируешь Тамару Ильиничну?

Нина потянула папку. Лада отпустила.

Тогда Сева поднялся на сцену.

Он не взял папку. Наклонился к микрофону и сказал:

— Следующими выступают те, кто уже стоит справа. Название мне не дали. Они скажут сами.

Справа стоял танцевальный дуэт. Девушка быстро назвала их имена, музыка началась. Тамара Ильинична возмущённо развела руками, но программа не рухнула.

Тимур вышел из толпы и сел на ступеньку рядом с Ниной.

— В столярной мастерской закончили, — сказал он. — Я могу читать фамилии. Если ошибусь, люди сами поправят.

Нина смотрела на Севу, который стоял сбоку от микрофона и не пытался заглушить музыку словами.

— У тебя показ до четырёх.

— Был. Табуреты пережили.

— А М-17?

— Там Лада.

Трое смотрели на неё, но никто не произнёс: «Отдай папку». Нина могла встать и продолжить. Могла сказать, что они всё делают неправильно. Могла доказать это за пять минут.

Она села на ящик.

— Только порядок не меняйте, — попросила она.

— Это просьба? — уточнил Тимур.

— Да.

— Постараемся.

Он не пообещал. Нина заметила, но спорить не стала.

Лада принесла ей пирог с капустой. Нина ела маленькими кусками, продолжая следить за сценой. Сева объявил ансамбль как «следующих», не назвав ни факультета, ни руководителя. Тимур трижды неправильно поставил ударение в фамилии преподавателя химии, и преподавательница сама поправила его из первого ряда. Тамара Ильинична перехватила микрофон на вручении грамот и больше не отдала.

Праздник не стал хуже. Он стал менее ровным. Между номерами возникали паузы, дети бегали через площадку, кто-то уходил за пирогами и возвращался. Ничего из того, чего боялась Нина, не превратилось в катастрофу.

После закрытия они собирали двор. Ветер сорвал со стены одну синюю стрелку и погнал её к воротам. Нина бросилась

следом, но бумага прилипла к мокрой решётке сама.

— Даже стрелка знает, куда ей, — сказал Тимур.

— Она показывает в мусорные баки.

— Честное направление.

Лада снимала со сцены объявления. Под последним обнаружила лист с Нининым почерком — запасной текст на случай задержки. Там были короткие сведения о каждой мастерской, две нейтральные шутки, благодарности участникам и пометка: «Если Л. передумает — не спрашивать при людях».

Она сложила лист и сунула в папку.

— Ты правда собиралась весь день вести одна? — спросила вечером, когда они вернулись в М-17.

— До пяти.

— А потом?

— Разобрать площадку.

— И всё это потому, что я сказала «нет»?

— Нет. Потому что Паша заболел, Тамара Ильинична не могла, а мероприятие уже началось.

— Но текст ты написала раньше.

Нина сняла белую блузку и осталась в футболке. На воротнике проступила серая полоса пыли. Она аккуратно сложила блузку, хотя та была влажной.

— Я знала, что Паша ненадёжный.

— Ты знала, что подхватишь.

— Я предусмотрела вариант.

— В котором у всех есть отказ, кроме тебя.

Тимур поставил на стол деревянную коробку для мелочей, сделанную на показе. Сева закрыл дверь. Разговор, который можно было оставить между двумя, стал общим не потому, что друзья вмешались, а потому, что Нина всё это делала для общего дела.

— Я не просила меня спасать, — сказала Нина.

Лада усмехнулась.

— Вот теперь слышишь?

Нина посмотрела на неё исподлобья.

— Что?

— Как звучит фраза с другой стороны.

Они помолчали. За стеной двигали тяжёлые столы, по коридору прокатилась пустая бутылка.

Сева достал тетрадь с полки.

— Записывать будем?

— Что? — спросила Нина.

— Долг.

— Я никому не давала денег.

— Долг бывает не только денежный, — сказала Лада.

— Тогда мы утонем в подсчётах.

— Уже тонем, — заметил Тимур. — Просто ты плаваешь быстрее.

Нина села на свой стул. После целого дня на ногах движение вышло неловким, будто колени забыли, как сгибаться.

— Хорошо. Что вы хотите записать?

Лада открыла страницу с первыми правилами.

— Ничего за тебя.

— Очень удобно.

— Да. Попробуй сама.

Нина взяла ручку. Долго смотрела на свою мартовскую записку: «Один вечер в неделю ничего не организовывать». Под ней уже не было места. Она перевернула страницу и написала дату праздника.

«Я согласилась вести сцену, хотя не хотела, потому что решила: иначе общий день развалится».

— Это протокол? — спросил Тимур.

— Факт.

Нина добавила: «Никто из троих меня об этом не просил». Лада читала через её плечо.

— И?

— Что — и?

— Долг перед собой.

— У меня уже есть.

— Он по вторникам. Сегодня суббота.

Нина постучала ручкой по краю тетради.

— Не брать освободившуюся задачу сразу.

— «Сразу» — это сколько? — спросил Сева.

— До следующего утра.

— Праздник бы начался раньше.

— Тогда до тех пор, пока не спрошу остальных, что можно отменить или разделить.

Она записала фразу. Получилось длинно, пришлось уйти

на следующую строку.

— А если пожар? — спросил Тимур.

— Тогда Сева.

— Если Сева откажется?

— Тогда пожарные.

— Наконец разумный порядок.

Они расписываться не стали. Это не был договор Нины с остальными. Лада поставила рядом маленькую точку, как отметку редактора, и тут же зачеркнула её.

— Зачем? — спросила Нина.

— Хотела подтвердить. Потом вспомнила, что запись твоя.

Нина закрыла тетрадь.

— На радио тебе понравилось?

Вопрос прозвучал без связи с праздником, и именно поэтому Лада ответила честно:

— Страшно. Когда лампочка загорается, рот становится чужим. Но потом кто-то в булочной слышит, что будет тепло.

— Ты слышала себя в булочной?

— Да.

— И что почувствовала?

Лада подумала.

— Что голос может быть полезен, даже если никто не видит человека.

— Сегодня тебя видели.

— Сегодня я почти не говорила.

— Но была.

Это не было ни упрёком, ни благодарностью. Нина просто назвала факт, как Лада назвала по радио ветер.

Они разошлись поздно. У ворот Тимур вспомнил, что оставил в М-17 куртку, и вернулся. Сева пошёл с ним проверить замок. Лада и Нина остались у остановки вдвоём.

— Я пропустила в эфире твою фамилию, — сказала Лада.

— Какую фамилию?

— В объявлении написали, что ты ведущая. Я решила, что ошибка, и не прочла.

— Но это оказалось правдой.

— К тому времени — да. Я исправила источник молча. Мне сделали замечание.

— Из-за меня?

— Из-за меня. Я могла спросить редактора.

Нина кивнула. Не стала извиняться за объявление, которого не посылала, и не предложила поговорить с Геннадием Петровичем. Автобус показался за поворотом.

— Во вторник у тебя эфир? — спросила она.

— Да.

— Тогда тебя не будет на покраске стоек.

— Не будет.

— Я помню.

Автобус остановился. Лада поднялась на ступеньку и обернулась.

— А у тебя вторник свободный.

Нина поморщилась, но ответила:

— Я тоже помню.

Во вторник Лада прочла новости без ошибок. В конце выпуска стояло короткое объявление колледжа с благодарностью участникам «Города мастеров». Фамилий не было. Она попросила Вадима включить запись на кассету, которую подарил Сева.

В то же время Нина сидела в М-17 одна. Стойки ждали покраски у стены, банки были закрыты. Она не надела рабочую одежду и не составила список на завтра. Первые полчаса переставляла чашку по столу, потом убрала руки на колени.

Из маленького приёмника донёсся голос Лады. Он сообщил о ремонте водопровода, пригласил горожан на выставку детского рисунка и предупредил о холодной ночи. Нина слушала до конца, не записывая ничего.

Когда погасла последняя музыкальная заставка, комната осталась на месте.

Глава 5. Севина стена

В конце мая Сева запретил Тимуру прислонять к северной стене новую столешницу.

Сказал негромко, не отрывая взгляда от штукатурки:

— Убери.

Тимур уже поставил столешницу на ребро и придерживал коленом. Она была тяжёлая, из склеенных сосновых реек, предназначалась для мастерской колледжа. До понедельника её разрешили хранить в М-17.

— Куда?

— К окну. Только не сюда.

— У окна дождь.

— Тогда на стол.

Тимур посмотрел на общий стол, заваленный конспектами, чашками и коробками с крепежом.

— Ты сейчас произнёс самое страшное слово в этой комнате.

Сева не улыбнулся. Он провёл пальцем по тонкой трещине над плинтусом, потом поднялся и проследил её до подоконника. Трещина была не новой: серую линию они видели с марта и считали ещё одной морщиной мануфактуры. Теперь возле неё отслоилась краска, а между доской пола и стеной лежала узкая дорожка кирпичной пыли.

Тимур снял столешницу с ребра.

— Давно?

— В понедельник пыли не было.

— Ты помнишь пыль по дням?

— Эту — да.

Они положили столешницу на общий стол. Чашки пришлось переставить на подоконник. Сева присел, не касаясь стены, и посветил в щель карманным фонарём. Потом вышел в коридор. Тимур пошёл за ним.

Снаружи М-17 стена выглядела спокойнее. Известка пожелтела возле пола, поверх старой трещины кто-то когда-то провёл кистью. Сева приложил ладонь к штукатурке, но сразу убрал.

— Не трогай, — сказал он.

— Я и не собирался.

— Ты собирался постучать.

— Хотел узнать, пусто ли там.

— Вот поэтому не трогай.

Он попросил Тимура привести Нину и Ладу. Сам остался у двери и поставил поперёк прохода стул. Стул выглядел смешной защитой от стены, которая простояла почти сто лет, но Сева не нашёл ничего лучше.

Нина пришла первой. В руках у неё была папка с документами на выпускной, во рту — колпачок ручки.

— Что случилось?

Сева указал на пыль.

Нина вынула колпачок изо рта.

— И что это значит?

— Пока не знаю. Поэтому комнату надо закрыть и сообщить владельцу здания.

— Закрыть совсем?

— Пока не осмотрят.

— Кто осмотрит?

— Специалист.

— Какой?

— Не я.

Последние два слова он произнёс чуть громче. Нина уже раскрыла папку, словно ответ мог лежать среди маршрутов выпускной прогулки.

— Но ты учишься на строительном отделении.

— На третьем курсе. И вижу достаточно, чтобы не делать вид, будто ничего нет.

Тимур сел на столешницу. Сева велел встать, и тот послушался без шутки.

Лада появилась через десять минут, запыхавшаяся после радио. Она сначала посмотрела на заграждение из стула, потом на лица друзей.

— Если это собрание, почему стул участвует раньше меня?

— Стена сыплется, — сказал Тимур.

— Я не говорил, что сыплется вся стена.

— Кирпич решил покинуть коллектив малыми частями.

Сева показал трещину ещё раз. Лада наклонилась, но

близко подходить не стала.

— Нам сегодня нельзя здесь оставаться?

— Нельзя ставить ничего у стены. Лучше вообще выйти.

— Тогда выйдем, — сказала она.

Нина не двигалась.

— Кому писать?

Помещение числилось за колледжем, но само здание принадлежало областному имущественному фонду. Согласование комнаты весной прошло через завхоза и директора; настоящего договора у четверых не было, только приказ о временной учебной мастерской до конца семестра.

— Директору, — сказал Сева. — Через канцелярию. Чтобы зарегистрировали.

— Если регистрируют, сюда придёт комиссия.

— Для этого и пишут.

— А если комиссия закроет весь этаж?

— Значит, этаж нельзя использовать.

Нина посмотрела на общую полку, тетрадь, деревянную коробку Тимура, кассету Лады. На краю стола лежала связка четырёх ключей с разными брелоками.

— Через три недели выпускной.

— Стена об этом знает? — спросила Лада.

Тимур хмыкнул. Нина не ответила.

Они вынесли из М-17 самое нужное: тетрадь, документы, радиокассеты и инструменты. Столешницу оставили посередине комнаты. Сева запер дверь и приклеил на неё лист: «НЕ

ВХОДИТЬ ДО ОСМОТРА». Подумал и дописал: «КЛЮЧИ ЕСТЬ У ЧЕТВЕРЫХ». Чтобы никто не решил, будто запрет относится только к посторонним.

Собрались во дворе на бетонном бортике клумбы. Ветер листал Нинину папку. Она придавила бумаги ключами.

— Я завтра поговорю с Семёном Аркадьевичем, — сказала она. — Неофициально.

— Письменно, — возразил Сева.

— Сначала спросим, кто может посмотреть. Может, там просто штукатурка.

— Кирпичная пыль не бывает просто штукатуркой.

— Ты сам сказал, что не специалист.

Сева замолчал. Нина поймала его на собственной осторожности и теперь использовала её как доказательство безопасности.

— Именно поэтому нужен специалист, — сказал он.

— Нужен. Но если мы подадим бумагу без предварительного разговора, помещение опечатают в тот же день. Семён Аркадьевич испугается ответственности.

— А ему есть чего бояться?

— Всем есть чего бояться, когда появляется зарегистрированное письмо.

Тимур подобрал выпавший из папки лист.

— Если нас выселят сейчас, куда вещи?

— В общежитии уже всё занято, — сказала Нина. — В мастерских перед дипломами места нет. После выпуска нам

вообще не обязаны давать помещение.

Сева посмотрел на неё.

— Это не ответ про стену.

— Это ответ про последствия.

Лада сидела, обняв сумку с кассетами. В М-17 она репетировала выпуски, потому что в общежитии соседки включали музыку. Тимур хранил там материалы для дипломной работы. У Севы в комнате стоял ящик с измерительными инструментами, купленными по одному на случайные заработки. Нина держала документы всех общих дел.

Комната давно перестала быть заменой затопленному общежитию. Они это знали, но до трещины могли не называть.

— Сколько времени нужно на осмотр? — спросила Лада.

— Если найдём человека — час, — сказал Сева. — Может, больше. Я не знаю.

— А найти?

— У преподавателя по конструкциям есть знакомые.

— Можно попросить его прийти без письма? — спросил Тимур.

Сева потёр большим пальцем бок указательного. На коже осталась серая пыль.

— Можно попросить посмотреть. Но это не заменяет общения владельцу.

— Не заменяет, — быстро согласилась Нина. — Давайте так: завтра Сева договаривается об осмотре. До осмотра комнатой не пользуемся. После осмотра пишем директору с

фактами, а не с догадкой.

— Когда после?

— Сразу.

— Это сколько?

Вопрос был тот же, который Сева задал ей про новый долг перед собой. Нина заметила это и недовольно свела брови.

— В тот же день.

— Запишем, — сказал Сева.

Тетрадь лежала у Лады в сумке. Она достала её и открыла на чистой странице. Нина продиктовала: «До обследования М-17 не используем. Сева приглашает специалиста. После обследования в тот же день сообщаем директору письменно».

— И владельцу, — добавил Сева.

— Мы не переписываемся с фондом напрямую.

— Тогда директор сообщает владельцу.

Нина дописала: «Просим директора передать сведения владельцу здания». Поставила дату — 27 мая 2004 года — и передала ручку Тимуру. Подписались все четверо.

Сева перечитал запись дважды.

— Хорошо.

Это «хорошо» означало только, что условие стало точным. Не что ему нравилось решение.

На следующий день преподаватель по конструкциям оказался на областных соревнованиях и должен был вернуться в понедельник. Его лаборант дал телефон бывшего выпуск-

ника, работавшего в проектной организации. Выпускник согласился прийти в пятницу вечером, но в пятницу позвонил на вахту и сказал, что его задержали на объекте.

Сева перенёс осмотр на субботу. В субботу мужчина не пришёл и не позвонил.

Все эти дни лист на двери оставался на месте. Нина проводила их встречи в пустой аудитории после занятий. Туда нельзя было приносить еду, задерживаться после восьми и оставлять вещи. Каждый вечер они уносили с собой папки, кружки, тетрадь и инструменты, будто их дружба снова стала эвакуированным имуществом.

Тимур забрал столярные детали в мастерскую, но мастер предупредил: после защиты всё вынести. Лада записывала тексты в коридоре радио, сидя на подоконнике. Нина носила выпускные документы в общежитие и дважды просыпалась от того, что соседка перелистывала их, ища чистый лист.

Сева звонил выпускнику каждый день. На третий день тот попросил больше не ловить его через вахту и пообещал прийти «на неделе».

— Пишем сейчас, — сказал Сева во вторник.

Они стояли перед закрытой дверью М-17. Кто-то сорвал нижнюю половину предупреждения; осталось только «НЕ ВХОДИТЬ».

— У нас договор после обследования, — сказала Нина.

— Обследования нет.

— Значит, срок ещё не начался.

Лада повернулась к ней:

— Это ты сейчас серьёзно?

— Я говорю, что мы подписали.

Сева достал тетрадь из сумки. После эвакуации она перешла от одного к другому, и сегодня была у него.

— Мы подписали отсрочку ради обследования, — сказал он. — Не отсрочку ради отсрочки.

— Я договорилась с Семёном Аркадьевичем, что в четверг он сам зайдёт.

— Когда договорилась?

— Сегодня.

— Почему не сказала?

— Не успела.

— Тогда в четверг он увидит и решит, — сказал Тимур. — Два дня.

Сева посмотрел на него.

— Решит что?

— Кому писать.

— Мы уже решили, кому писать.

Тимур отвёл глаза. М-17 был для него не только комнатой. Мастер столярной мастерской предложил после выпуска временную работу, но своего места для заказов не давал. Тимур рассчитывал по вечерам пользоваться общим столом. Без комнаты предложение превращалось в обычную смену за небольшие деньги.

— Два дня, — повторила Нина. — В четверг, даже если

Семён Аркадьевич не придёт, подаём записку.

— Запишем? — спросил Сева.

— Ты теперь каждую фразу будешь записывать?

— Эту — да.

Нина раздражённо вырвала из папки лист. Написала дату и одно предложение: «Если до вечера 3 июня М-17 не осмотрят, 4 июня подаём директору письменное сообщение о дефекте». Подписала и протянула остальным.

— Доволен?

Сева не взял ручку.

— Нет.

— Но подпишешь?

— Подпишу.

В четверг Семён Аркадьевич пришёл один. Он прочитал остаток предупреждения, попросил ключ и велел всем ждать в коридоре. Через минуту вышел, запер дверь и отдал связку Нине.

— Старая кладка, — сказал он. — Тут везде трещины.

— Вы видели свежую пыль? — спросил Сева.

— Видел, что вы устроили склад. Нагрузили пол, мебель к стенам. Вам комнату дали для учебной работы, а не для проживания.

— Мы не живём.

— Тогда тем более нечего драматизировать. После выпуска помещение всё равно будем пересматривать.

— Нужен осмотр специалиста.

Семён Аркадьевич вздохнул.

— Молодой человек, вы диплом сначала получите. Я поставлю в известность завхоза.

— Письменно?

— Вы мне будете объяснять, как работать?

Он ушёл, не забрав ключи и не сняв запрет. Нина проводила его до лестницы. Вернулась с выражением человека, который добыл плохую, но пригодную новость.

— Завхоз посмотрит завтра.

— Кто сказал?

— Семён Аркадьевич.

— Он сказал, что поставит его в известность.

— Это значит, что посмотрит.

— Нет, — сказал Сева. — Это разные слова.

Лада прислонилась к противоположной стене и тут же отступила.

— Завтра четвёртое. Мы подаём записку.

Нина перебрала листы в папке.

— Если директор уже передал завхозу, наша записка будет выглядеть как жалоба на него.

— Это сообщение о стене, — сказал Сева.

— На бумаге всё становится жалобой.

— Вчера на бумаге всё становилось договором.

Нина подняла голову. Удар оказался точным, и от этого она ответила холоднее:

— Хорошо. Пиши.

— Мы пишем.

— Дефект увидел ты.

— Отложили все.

Тимур встал между ними не телом, а голосом:

— Давайте утром. Если завхоз придёт первым уроком, покажем ему. Если нет — несём бумагу.

— Опять срок, — сказала Лада.

— До десяти, — предложил он. — Не до «после обеда».

Сева долго смотрел на закрытую дверь. Потом достал ручку.

— До десяти.

Утром Нина пришла к девяти и нашла у М-17 завхоза. Тот был без Севы, без преподавателя и без инструментов. Открыл комнату, постоял на пороге, провёл носком ботинка по кирпичной пыли и сказал:

— Уберёте это после защиты. Столешница тяжёлая, вот пол и играет.

— А стена?

— Стена стоит.

— Можно пользоваться комнатой?

— Вам никто не запрещал.

Он снял остаток листа с двери и унёс с собой.

Когда друзья пришли, Нина уже проветрила М-17. Столешница оставалась посередине, но тетрадь и чашки вернулись на полку. На столе лежала чистая влажная тряпка. Кирпичной пыли у стены не было.

Сева остановился в дверях.

— Где пыль?

— Я убрала. Завхоз смотрел.

— Чем?

— Глазами.

— Что сказал?

— Что пол играет из-за нагрузки. И что комнатой можно пользоваться.

— Письменно?

Нина отвернулась к окну.

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

Было без пяти десять. Лада сняла часы и положила на стол, словно время требовало отдельного свидетеля. Тимур прошёл к столешнице, но не коснулся её.

— Значит, несём записку, — сказал Сева.

— Завхоз уже осмотрел.

— Это не обследование.

— В нашей записи не написано, кто именно должен осмотреть.

Лада раскрыла тетрадь. В первой записи стояло: «Сева приглашает специалиста». Во второй — «если М-17 не осмотрят».

— В первой написано, — сказала она.

— Первая не состоялась, поэтому мы сделали вторую.

— Мы сделали вторую, потому что человек не пришёл. Не чтобы отменить первую.

Нина стала собирать бумаги в папку. Каждое движение было аккуратным и окончательным.

— Хорошо. Подавайте. Только после этого нам, скорее всего, не дадут забрать даже вещи до комиссии. У Тимура через неделю защита. У Лады смена сегодня вечером. У нас выпускной маршрут не готов. Я хочу, чтобы вы понимали цену.

— Мы понимаем, — сказал Сева.

Тимур не ответил. Лада посмотрела на кассеты.

Нина ждала. Она не просила отказаться от письма. Просто разложила перед ними последствия — настоящие, возможные и придуманные — так близко, что между ними не осталось места для решения.

— После защиты, — сказал Тимур. — Неделя.

Сева повернулся к нему.

— Почему после защиты стена станет безопаснее?

— Не станет. Но я вынесу работу.

— А потом следующий студент поставит сюда свою.

— Мы оставим запрет.

— Который завхоз снял.

Лада забрала часы со стола.

— Я не хочу потерять комнату, — сказала она. — И не хочу делать вид, что дело только в Тимуровой защите.

Нина кивнула, будто честность Лады подтверждала её расчёт.

— Тогда неделю не используем северную часть. После за-

щиты пишем.

— Нет, — сказал Сева.

Слово прозвучало ровно. Он не повысил голос, не стал перечислять опасности, которых не мог доказать. Подошёл к тетради и раскрыл страницу с мартовскими правилами.

«Могу не чинить сразу, если меня не спросили и не согласовали время».

— Вы думаете, я опять что-то чиню, — сказал он. — Что можно подождать, пока я найду правильного человека и объясню правильными словами. Я не чиню. Я сообщаю.

Он вынул из папки Нины чистый лист. Написал директору колледжа: в помещении М-17 обнаружены свежая кирпичная пыль и изменение трещины у северной стены; просит ограничить доступ и организовать профессиональное обследование. Не написал ни «аварийное состояние», ни «угроза обрушения». Внизу поставил своё имя и дату.

— Я отнесу от себя, — сказал он. — Ваши подписи не нужны.

Нина прочла письмо.

— Тогда это будет выглядеть так, будто остальные с тобой не согласны.

— Они не согласны.

Тимур поморщился.

— Я согласен, что проверить надо.

— Но не согласен сообщить сегодня.

— Да.

Сева сложил лист пополам.

Нина могла отпустить его. Для этого достаточно было отойти от двери. Вместо этого она сказала:

— До понедельника канцелярия всё равно ничего не делает. Сегодня пятница. Дай мне выходные найти специалиста через городской отдел. В понедельник утром, если никто не придёт, я сама зарегистрирую письмо вместе с тобой.

— Почему через городской отдел?

— Там работает отец моей одноклассницы.

— Ты уже звонила?

— Позвоню сегодня.

— Когда ты узнала про него?

Нина не ответила сразу.

— Вчера вечером.

— Почему не сказала утром?

— Потому что хотела сначала договориться.

В её мире несделанное обещание не существовало, пока она не могла предъявить результат. Поэтому никто не видел, сколько дорог она открывала и сколько закрывала одна.

Сева посмотрел на троих. Лада отвела глаза первой. Тимур сел на край общего стола, осторожно, будто теперь сомневался во всём здании.

— До понедельника, — сказал Сева. — Последний раз.

Он положил письмо в тетрадь на страницу с двумя отсрочками.

— Не забирай его, — сказал он Нине.

— Не буду.

В выходные М-17 была закрыта. Нина звонила одногруппнице, потом её отцу, потом секретарю городского отдела. Отец уехал на дачу и обещал ответить в понедельник. Нина никому не сообщила об этом, потому что ответ ещё мог измениться.

В понедельник утром она пришла первой. Под дверью лежала новая полоска красной пыли, заметнее прежней. Письмо в тетради казалось слишком коротким для всего, что оно могло отнять.

Нина вынула его, разгладила сгиб и переписала начисто. Добавила фамилии всех четверых и оставила возле каждой место для подписи.

Потом услышала шаги в коридоре.

Она могла положить оба листа рядом и рассказать, что специалиста нет. Могла признать, что выходные ничего не решили.

Вместо этого убрала Севино письмо в прозрачный файл своей папки, а чистовик положила под тетрадь.

— Есть новости? — спросила Лада, входя.

— Жду звонка из городского отдела.

Это было правдой.

— А письмо? — спросил Сева.

Нина коснулась папки локтем.

— Давайте до обеда. Если они пришлют человека, приложим его заключение.

Сева посмотрел на свежую пыль. Потом на влажную тряпку, оставленную возле стены с пятницы.

Он ничего не сказал.

Тимур открыл окно. Лада поставила часы на стол. Было девять семнадцать.

До обеда оставалось два часа сорок три минуты. Их временное молчание уже прожило одиннадцать дней и научилось каждый раз называться последним.

Глава 6. Выпускной маршрут

В одиннадцать сорок две из городского отдела позвонили и сказали, что осмотром учебных помещений занимается владелец здания.

Нина записала фамилию женщины, которая это сообщила, хотя фамилия ничего не меняла. Потом достала из папки Севино письмо.

— Идём, — сказала она.

Сева не спросил куда. Лада убрала часы, Тимур закрыл окно. У двери Нина задержалась, вернулась к столу и положила рядом с тетрадью свой чистовик на четверых.

— Этот тоже возьмём?

— Там нет наших подписей, — сказал Тимур.

— Подпишите?

Он посмотрел на Севу.

— Если ещё можно.

Сева придвинул лист. Подписался первым, потом передал ручку Ладе. Тимур поставил фамилию медленно. Нина подписала последней и перечеркнула в тексте слово «предположительно», оставив только наблюдаемые признаки.

В канцелярии приняли оба письма как одно обращение с приложением. Секретарь поставила входящий номер на копии и сказала, что помещение должны закрыть до решения комиссии. Нина знала, что так будет. Всё равно спросила:

— Вещи можно забрать?

— Под присмотром завхоза.

К вечеру на двери М-17 появилась бумажная пломба. Четверым дали двадцать минут. Они вынесли столешницу, инструменты, кассеты, коробку с чашками и папки. Общий стол и четыре конторских стула остались внутри: они принадлежали колледжу. Тетрадь Лада держала под мышкой.

Красная пыль лежала у стены нетронутой. Теперь её не надо было доказывать друг другу.

Комиссия приехала через четыре дня. Северную часть этажа закрыли, а после обследования укрепили участок кладки временными стойками. В заключении, которое Севе показал преподаватель, не было слова «обрушение». Было написано, что длительное увлажнение и повреждение кладки требуют ограничения нагрузки и проектного решения.

— Значит, мы не зря написали, — сказал Тимур.

— Мы зря ждали, — ответил Сева.

Никто не спорил. Нина принесла тетрадь и под двумя отсрочками написала: «Письмо подано 7 июня. Входящий номер 184». Хотела добавить, что доступ ограничен и вещи вынесены, но это уже выглядело отчётом, а не признанием.

— Я спрятала твоё письмо, — сказала она Севе.

Лада и Тимур одновременно подняли головы.

— Куда? — спросил он.

— В папку. В понедельник утром. Не уничтожила, просто не положила на место.

— Я видел, что его нет.

— Почему не спросил?

— Хотел понять, скажешь ли ты.

Нина сжала ручку.

— Это была проверка?

— Нет. Устал проверять за тобой.

Она записала ещё одну строку: «Нина убрала письмо без согласия Севы и предложила новую отсрочку». Подпись поставила только свою.

— Достаточно? — спросила она.

— Для стены — нет, — сказал Сева. — Для нас посмотрим.

До выпускного их допустили в закрытую часть этажа один раз — забрать со стены фотографии. Нина сняла четыре снимка: затопленный коридор общежития, первый вечер в пустой комнате, апрельский праздник и общий стол после эвакуации, голый, с чистым прямоугольником там, где лежала тетрадь.

Саму комнату пообещали открыть после ремонта, но никто не назвал дату. Формально приказ о мастерской заканчивался вместе с семестром.

За неделю до вручения дипломов каждому пришло предложение, которое делало Бережск временным.

Ладе позвонили из областного радио. Её записи услышал редактор утренней программы и предложил трёхмесячную стажировку в Самарине — пять часов поездом, общежитие

при телецентре и небольшую оплату. Начать нужно было первого августа.

Тимура звали на мебельную фабрику в Заволжск. Мастер, у которого он работал, показал его тумбочку знакомому начальнику цеха. Там давали место в рабочем общежитии и обещали доплату после испытательного срока.

Севу преподаватель рекомендовал в проектную организацию областного центра. Работа начиналась с копирования чертежей и выездов с инженером. Денег предлагали меньше, чем на фабрике Тимуру, зато можно было продолжить заочное обучение.

Нина одна получила место в Бережске. Городской отдел благоустройства искал техника на временный договор. Должность звучала скромно, но в ней были планы дворов, обращения жителей и настоящие объекты, а не учебные макеты.

Они разложили четыре письма на подоконнике лестничной площадки. В М-17 их не пускали, свободной аудитории не нашлось.

— Хороший у нас общий план, — сказала Лада. — В четыре стороны.

— У тебя не сторона, а радиус вещания, — заметил Тимур.

— В пять часов поездом мой голос будет очень уставшим. Нина взяла предложение Севы.

— Заочное оплатят?

— Половину после первого года.

— Где жить?

— В комнате у двоюродного брата. Пока он не женится.

— Он собирается?

— Надеюсь, не до сентября.

Она вернула письмо и потянулась к Тимурову. Он накрыл его ладонью.

— Я уже согласился.

— Когда?

— Вчера.

— Почему не сказал?

— Потому что это моя работа.

Фраза не была злой, но Нина отдёргнула руку.

Лада ещё не ответила областному радио. Сева должен был дать ответ до пятницы. Нина подписала свой договор утром и теперь чувствовала себя человеком, оставшимся на пристани с чужими чемоданами.

— Значит, всё? — спросила она.

— Что — всё? — Лада сложила письмо пополам.

— Разъедемся. Комнаты нет. Через год будем поздравлять друг друга открытками.

— Я открытки не подписываю, — сказал Сева.

— Очень утешает.

Тимур забрал своё письмо.

— Можно приезжать.

— Куда?

Никто не ответил. Общежитие после выпускного надо было освободить за три дня. Родители Лады жили в маленькой квартире на другом конце города. Севина мать — в посёлке за сорок километров. Тимур собирался сразу в Заволжск. Нина снимала угол у пожилой женщины, которая запрещала приводить гостей.

Без М-17 у дружбы не было адреса.

Вручение дипломов назначили на двадцать девятое июня. Нина составила маршрут по важным местам колледжа: актовый зал, мастерские, двор и набережная. После истории со стеной она показала план всем и возле каждого пункта оставила графу «иду / не иду». Тимур вычеркнул торжественный круг по кабинетам. Лада отказалась читать со сцены речь от группы. Сева согласился нести общий фотоальбом, но не согласился фотографироваться у закрытой двери М-17.

— Почему? — спросила Нина.

— Не хочу делать из пломбы память.

Она вычеркнула дверь из маршрута.

В день выпуска было жарко. Мантии колледж не выдавал; все пришли в одежде, которую потом можно было носить. Тимур купил светлую рубашку на размер больше и весь день подворачивал рукава. У Лады были синие туфли, натиравшие пятки. Сева надел пиджак старшего брата. Нина приколотла к воротнику маленькую серебряную булавку матери и никому не объяснила, откуда она.

После актового зала группа рассыпалась по двору. Родите-

ли фотографировали дипломы, преподаватели искали тень. Четверо дошли до ворот и остановились: дальше по плану была набережная, но у каждого родственники ждали в разные часы.

— У меня автобус в четыре десять, — сказал Сева.

— Мои придут к пяти, — сказала Лада.

— Мастер просил зайти, — добавил Тимур.

Нина держала папку с маршрутом. Половина клеток осталась пустой.

— Тогда не идём.

— Ты хочешь идти, — сказала Лада.

— Маршрут общий.

— Общего маршрута уже нет.

Нина посмотрела на ворота. За ними город продолжался без всякой церемонии: автобус выпустил пассажиров, женщина несла сетку с абрикосами, у киоска спорили о сдаче.

— Давайте хотя бы до реки, — сказал Тимур. — Потом разойдёмся.

Они пошли не по Нининому плану, а короткой дорогой через дворы. Лада сняла туфли и несла их за ремешки. Сева отдал ей свои носки, чтобы асфальт не обжигал ступни. Тимур нёс четыре диплома в пакете из мебельного магазина. Нина впервые за месяц оставила папку в общежитии.

На набережной торговали квасом. Они купили один большой стакан и четыре маленьких, потому что Тимур всё ещё считал расходы вслух. Сели на нагретые каменные ступени.

— Я соглашусь на стажировку, — сказала Лада.

— Сегодня? — спросила Нина.

— Завтра. Сегодня у них никто не работает.

— Можно оставить сообщение.

— Нина.

— Молчу.

Сева достал из пакета диплом, проверил фамилию и снова убрал.

— Я тоже поеду.

— Все поедут, — сказал Тимур. — Кроме Нины.

— Спасибо, что заметил.

— Ты остаёшься не вместо нас. У тебя работа здесь.

Нина отпила квас. Он был слишком сладким.

— А комната?

Сева посмотрел на реку.

— Комната колледжа.

— Была. После ремонта северный блок хотят сдавать. Семён Аркадьевич сказал, фонд ищет арендаторов.

— Когда сказал? — спросила Лада.

— Вчера.

— И у тебя уже есть план.

Нина не стала притворяться.

— Можно оформить общественную мастерскую. Не через колледж. Нужен договор, небольшая плата и ответственный арендатор.

— Небольшая — это сколько? — спросил Тимур.

Она назвала сумму. Тимур присвистнул.

— В месяц?

— После ремонта. Пока могут дать льготный период, если мы сами покрасим и приведём всё в порядок.

— Мы разъезжаемся, — напомнил Сева.

— Не навсегда.

— Я не знаю.

Эти три слова Нина переносила хуже отказа. Отказ можно было записать и учесть. Незнание не помещалась ни в одну графу.

— Будете приезжать в мае, — сказала она. — В последний выходной. Как на праздник мастерских.

— Каждый год? — спросила Лада.

— Каждый.

— У нас ещё первой работы не было, а ты уже составила расписание на двадцать лет.

— Не расписание. Одна дата.

Тимур пересчитал на пальцах дорогу из Заволжска.

— Я смогу. Если смены не поставят.

— А если поставят? — спросил Сева.

— Поменяюсь.

— А если не поменяются?

— Тогда не приеду.

Нина отвернулась.

Лада коснулась её плечом.

— Вот это и надо записать сразу. Встречаемся, если мо-

жем. Не «любой ценой».

— Тогда никто не приедет.

— Тогда, может быть, причина важнее встречи.

— Всегда найдётся причина.

— И всегда найдётся человек, который решит, что она недостаточная, — сказал Сева.

Мимо прошёл теплоход, подняв низкую волну. Вода ударилась о ступени и не достала до их ног.

Нина достала из сумки тетрадь. После эвакуации она носила её с собой, хотя это нарушало правило общей полки. Полки больше не было.

— Хорошо. Как написать?

Лада взяла ручку.

«В последний выходной мая встречаемся в Бережске. Каждый заранее сообщает, приедет или нет. Отказ не требует доказательств. Если не могут двое или больше, выбираем другую дату или пропускаем год».

— «Пропускаем год» звучит ужасно, — сказала Нина.

— Зато честно.

Тимур добавил: «Тот, кто приехал один, не считается брошенным».

— Это про тебя? — спросила Лада.

— Про любого.

Сева приписал: «Старая запись не заменяет нового соглашения».

— Мы же о встрече, — сказала Нина.

— Именно.

Они подписали страницу. Нина поставила дату и ниже написала: «Сохранить М-17 как место встреч и работы».

— Подождите, — сказал Тимур. — Это уже другое.

— Связанное.

— Для тебя связанное. Мы ещё не решили платить.

Нина зачеркнула строку. Бумага стала серой, но слова всё равно читались.

— Тогда решайте.

— Сегодня выпускной, — сказала Лада. — Можно не решать всё сегодня.

— Арендатора будут искать сейчас.

Сева попросил показать расчёт. Нина вынула сложенный лист: предполагаемая аренда, электричество, материалы, четыре доли. Внизу отдельной строкой стояло: «Если кто-то временно не может — покрывает Н. Л.».

Тимур прочёл её вслух.

— Нет, — сказал он.

— Это страховка.

— Это опять мои сорок шесть рублей, только каждый месяц.

— Ты будешь получать зарплату.

— Поэтому я хочу сам решить, на что её тратить.

Лада посмотрела на свою долю.

— На стажировке мне столько не дадут.

— Первые месяцы можешь не платить.

— А потом буду должна?

— Нет.

— Тогда платить будешь ты.

Нина сложила расчёт.

— Хорошо. Я возьму договор на себя. Комната останется, а вы будете участвовать, когда сможете.

— Мы этого не просили, — сказал Сева.

— Я прошу. Моя просьба на этот год: не дать комнате исчезнуть.

Тетрадь лежала у Лады на коленях. Просьбу можно было записать. И можно было отказать.

— Ты просишь нас что сделать? — уточнила она.

Нина задумалась. Заплатить они не могли. Остаться — не хотели. Подписать договор на четверых значило бы разделить неизвестный риск, который Сева после стены не согласился бы принимать вслепую.

— Оставить там свои стулья, — сказала она. — Когда помещение откроют. Не забирать право возвращаться.

— Стулья не наши, — напомнил Тимур.

— Тогда четыре любых стула.

Лада записала просьбу именно так: «Если М-17 снова откроется, поставить четыре разных стула и не считать пустой стул уходом человека».

Сева прочитал.

— Это могу.

— Я тоже, — сказал Тимур.

Лада кивнула.

О договоре в тетради не написали.

В августе северный блок открыли после временного усиления. Фонд согласился на годовой договор с Ниной Левиной как с индивидуальным арендатором, если колледж подтвердит культурно-учебное назначение комнаты. Нина подписала договор одна. Первые три месяца оплатила из зарплаты и денег, которые откладывала на зимнее пальто.

Она сообщила друзьям уже после подписи.

Лада прислала из Самарина открытку без готового текста: на обороте написала время своего первого утреннего эфира и вопрос, есть ли в комнате радио. Тимур отправил перевод за два месяца и потребовал записать его как долю, а не возврат. Сева прислал заказным письмом копию заключения по стене и короткую записку: «Проверь, кто отвечает за следующий осмотр».

В октябре Нина поставила в М-17 четыре стула. Один старый конторский удалось выкупить у колледжа. Второй Тимур нашёл на фабричном складе брака и отремонтировал в выходной. Третий был складным, его привезла Лада в свой первый приезд. Четвёртый Сева сделал из двух списанных лабораторных табуретов и предупредил, что на нём нельзя раскачиваться.

Стулья не совпадали ни цветом, ни высотой. За общим столом они смотрелись так, будто каждый пришёл из отдельной жизни и согласился только постоять рядом.

Нина села на свой — старый конторский — и открыла тетрадь.

На странице выпускного маршрута стояли четыре подписи под майской встречей. Ниже — просьба о стульях. Ещё ниже оставалось свободное место.

Она написала: «Договор аренды до 31 августа 2005 года. Ответственный арендатор — Нина Левина».

Хотела добавить: «для всех».

Не добавила.

Глава 7. Первый пустой стул

В последний четверг мая Тимур позвонил первым.

Нина сидела в М-17 на полу и красила нижнюю перекладину складного стула. Зеленая краска, найденная в кладовой колледжа, оказалась жиже, чем обещал завхоз, и с кисти капало на газету. На первой странице газеты сообщали о новом речном маршруте; Нина подложила под ножку фотографию теплохода и только потом сняла трубку.

— Я не приеду, — сказал Тимур.

За его голосом звякнула посуда. Кто-то открыл кран, вода ударила в металлическую раковину.

Нина выпрямилась.

— Совсем?

— Совсем — это надолго. В субботу не приеду.

— У тебя смена?

— Отец заболел. Я у него.

Тимур говорил не из Заволжска. В квартире его родителей телефон стоял в коридоре на табурете, и когда они созванивались осенью, в трубке всегда было слышно соседское радио за тонкой стеной. Сейчас радио тоже бормотало — мужской голос перечислял погоду в районах области.

— Что случилось?

— Ему стало плохо на работе. Сейчас дома. Врач приходил.

— А в больницу?

— Нин, врач приходил. Лекарства купили. Я здесь до воскресенья.

Она посмотрела на четыре стула. Конторский был ее. Складной привезла Лада. Сева сварил свой из двух табуретов и прислал поездом, обмотав ножки мешковиной. Тимуров стул стоял у окна: темное дерево, гладкая спинка, под сиденьем едва заметная метка фабричного склада. Он сделал его из брака так хорошо, что брак приходилось искать.

— Лада уже взяла билет, — сказала Нина. — Сева тоже.

— Я знаю. Я им позвоню.

— Мы можем перенести.

— Не надо. У Лады эфир в понедельник, Сева потом на объекты уезжает. Встречайтесь.

— Но это первая.

— Поэтому сразу проверим, работает ли наше правило.

Нина поставила банку с краской подальше от ноги.

— Тебе что-нибудь нужно?

На кухне у Тимура перестала литься вода.

— Нет. Спасибо.

— Я серьезно.

— И я. Просто посиди с пустым стулом и не назначай его предателем.

Он попытался сказать это легко. Не получилось. Нина услышала усталость и ухватила за нее как за доказательство того, что словами он просит не о том.

— Позвони вечером, — сказала она.

— Если смогу.

— Во сколько?

— Не знаю. У отца нет расписания болезни.

После разговора она докрасила перекладину. На газете вокруг теплохода расплылось зеленое озеро.

В тетради на странице выпускного стояло: «Отказ не требует доказательств». Нина прочла запись трижды, будто при достаточном внимании между строк могло обнаружиться исключение для первого года.

Вечером позвонила Лада из Самарина. Она работала уже не стажером, а редактором коротких утренних выпусков, снимала комнату вместе с костюмером местного театра и за десять месяцев научилась спать под любой голос, кроме собственного в записи.

— Я приеду в одиннадцать сорок, — сказала она. — Уеду в воскресенье в шесть. Сева будет к двум. Купи хлеб, только не тот серый кирпич, которым ты нас кормила в октябре.

— Тимура не будет.

Лада помолчала.

— Смена?

— Отец заболел.

— Сильно?

— Врач оставил дома.

— Тогда понятно.

— Что понятно?

— Почему не будет.

Нина провела пальцем по высохшей краске. На нижней стороне перекладки остался потек. Его никто не увидел бы, но она перевернула стул и стала искать наждачную бумагу.

— Мы целый год собирались.

— Собирались, — согласилась Лада. — И соберемся втроем.

— Он странно говорил.

— У него отец болеет.

— Именно.

— Нина, не произноси это так, словно нашла улику.

— Я ничего не нашла.

— Хорошо. Тогда купи хлеб.

В пятницу Тимур не позвонил. В половине десятого Нина набрала номер его родителей. Трубку сняла женщина, которую она никогда не видела.

— Сафины слушают.

— Здравствуйте. Тимура можно?

— Он в аптеку ушел. А кто его?

— Нина. Из Бережска.

— Из колледжа которая?

— Да.

— Я мать. Передам.

Нина спросила, как отец. Женщина ответила не сразу, словно оценивала право незнакомого голоса знать подробности.

— Слабый. Ночью не спал. Сейчас задремал.

— Вам помощь нужна?

— Тимур приехал. Сестра завтра будет. Справимся.

Это было второе «не нужно» за сутки. Нина поблагодарила и положила трубку.

На работе она до обеда чертила схему двора, где жильцы просили убрать две скамейки из-под окон и поставить те же две скамейки возле детской площадки. Начальница вернула схему: Нина передвинула скамейки, но забыла отметить старые бетонные основания.

— Ты сегодня здесь? — спросила начальница.

— Конечно.

— Тогда будь здесь. Двор подождет один день, а ты потом неделю будешь объяснять, почему люди спотыкаются о твои невидимые пеньки.

Нина исправила чертеж. В обеденный перерыв она пошла не в столовую, а на автовокзал.

До поселка, где жили родители Тимура, ходили два автобуса в день. Вечерний уходил в семнадцать двадцать и прибывал около девяти. Обратный был в субботу в семь утра. От поселка до Бережска — три с половиной часа, если не сломается автобус и паромная переправа не задержит рейс.

Нина купила билет в один конец.

Она объясняла себе, что не собирается никого привозить. Только посмотрит, нужна ли помощь. Отвезет лекарства, если потребуются. Приготовит еду. Посидит с отцом, чтобы

мать Тимура поспала. Потом вернется утренним автобусом одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.